

The background of the cover is a romantic illustration of a man and a woman in a historical setting. The man, on the right, has dark, wavy hair and is wearing a blue military-style jacket with gold buttons and embroidery over a white shirt. He holds a sword with a glowing purple gem in its hilt. The woman, on the left, has long, flowing brown hair and is wearing a light blue, off-the-shoulder dress with lace details. They are looking at each other intimately. Behind them is a large, ornate white umbrella with gold lace trim. The background shows a street scene at sunset or sunrise, with warm golden light, blurred figures of people, and buildings with red awnings.

АННА ЛАНЦ

КАК РАЗВЕСТИСЬ С
ДРАКОНОМ
и не влюбиться

Анна Ланц

**Как развестись с
драконом и не влюбиться**

<https://litres.ru/73835197>

SelfPub; 2026

Аннотация

В чужом теле, с чужим мужем и чужими проблемами!

Мой драконоподобный супруг прямо заявил о любовнице и предложил развод. Я не стала спорить. С таким счастьем лучше расстаться сразу.

Зато у меня есть бонус: родовое поместье. Да, развалины, плесень, крыша провисла, но это моё! С него я и начну строить новую жизнь: без надменных мужских глаз и с верой в то, что впереди ждет нечто большее.

Содержание

1	4
2	17
3	27
4	43
5	57
6	68
7	82
8	97
9	107
10	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Как развестись с драконом и не влюбиться

1

Кажется, я не умерла.

Точно не умерла. Иначе откуда бы взялся этот глубокий мужской голос, вибрирующий прямо над ухом?

– Юлания, открой глаза. Хватит притворяться.

Юлания?

Никто еще меня, простую Юлю из панельной пятиэтажки, так величественно не называл. Ну ладно... Но почему хозяин голоса считает, что я притворяюсь?

Я попробовала приоткрыть глаза и простонала. Веки были тяжелее гири, а легкое движение моментально отозвалось ноющей болью во всем теле. Как будто меня автобус пере-ехал?

Хотя почему как?

Последнее, что я помню, как бегу с работы. Зябко. Начался проливной августовский дождь, а я без зонта. Решаю перебежать дорогу в неположенном месте... Длинный гудок, ослепляющий свет фар. И все... Вот я здесь.

Значит, с автобусом все-таки встретилась. Следовательно, я в больнице. А этот голос... врача?

– Юлания! – он почти рычит.

Вот хам! Что за манера общения с пациентами? Обязательно напишу жалобу главврачу.

– Юлания!! Открой глаза.

Глаза я все-таки открыла. Не потому, что подчинилась его приказу, а чисто из возмущения. И сразу поняла: жалобу писать не буду.

Надо мной нависло лицо мужчины настолько совершенное, что едва ли я видела подобное даже в фильмах. Брюнет, густые волосы, темно-карие глаза, прямой аристократический нос, волевой подбородок. Разве что губы слегка портили идеальную картину. Они скривились в насмешливой полуулыбке. Отчего-то захотелось двинуть по незнакомцу чем-нибудь потяжелее.

– Что, соизволила проснуться?

– В чем дело? – прохрипела я. Голос прозвучал странно, незнакомо.

Наверное, я повредила связки.

– Что ты опять вытворяешь? – тон брюнета казался ледяным. – Зачем ты оттаскала Лавинию за волосы?

Я замерла, ненадолго снова прикрыв глаза. Что сделала? Оттаскала кого-то за волосы? Это просто невозможно!

Должно быть, этот врач меня с кем-то перепутал, но все же я осторожно уточнила:

– Какую еще Лавинию?

Карие глаза недобро сверкнули.

– Как же я устал от твоего притворства. Ты прекрасно знаешь, о ком я. О моей любовнице.

Я моргнула. Потом еще раз. Что вообще здесь происходит?

– Любовнице? – пробормотала я и, к своему удивлению, почувствовала, что тело больше не ломит. Осторожно села, упершись в мягкое изголовье кровати. – А я тогда кто?

Только теперь я позволила себе перевести взгляд с лица мужчины на его одежду. И тут меня окончательно накрыло ощущение абсурдности происходящего. Он был одет... Назовем это... не совсем современно.

Полурасстегнутая белая рубашка с золотой вышивкой приоткрывала идеальную мужскую грудь, от которой я сразу стыдливо отвела взгляд. Еще на незнакомце были плотные брюки необычного покроя и высокие сапоги. А в руках – трость, в которую был встроен стеклянный шар. Он переливался изнутри мягким голубоватым светом.

Но самым удивительным оказалась даже не это, а помещение, где мы находились. Огромная спальня, словно сошедшая с картинок викторианского романа. В углу – камин, над которым висели тяжелые часы с позолоченными стрелками. На полу – ковер с замысловатым орнаментом, явно ручная работа. Три высоких окна во всю стену были занавешены тяжелыми бархатными шторами.

И безразмерная кровать с балдахином, на которой как раз и сидела я.

Казалось бы, я достигла пика возможного удивления. Ну вот серьезно, шкала «шокированности» во мне должна была давно лопнуть, погружая меня в истерику.

Но психика оказалась на удивление эластичной. И все же, ответ красавца заставил меня вытаращить глаза.

– Ты знаешь, кто ты. Ты моя жена. И не нужно строить из себя оскорбленную невинность.

И вот тут меня накрыло. Но, как ни странно – не истерикой, а злостью. В душе болезненно шевельнулась старая и, как я думала, давно зажившая рана. Мой бывший муж уходил к любовнице почти с такими же словами. «Не строй из себя обиженную. Ты сама виновата. Ты не закрывала все мои потребности».

Я была уверена, что эта боль давно умерла. Закопана, забетонирована. Но нет. В груди разлилась тяжесть, такая же давящая, как в тот день.

Я медленно вздохнула, подняла глаза и с вызовом в голосе произнесла:

– То есть, у тебя есть любовница... и ты недоволен, что я оттащила ее за волосы?

– Юлания, – снова эти рычащие нотки в голосе. – Я не знаю, какую игру ты затеяла, но играй в нее без меня.

Благоразумие нашептывало: «молчи», хотя внутри все кипело. Где я, что со мной, почему этот аристократичный красавец считает меня своей женой, но при этом так беззастен-

чиво рассказывает о любовнице?

Он тем временем устало потер висок, поморщившись, как от головной боли. Вторая рука крепче сжала рукоять трости, шар внутри мигнул ярче, будто реагируя на раздражение.

– Я не знаю, за какие грехи император приказал мне жениться на тебе, – сказал мой новообретенный муж уже спокойнее, – но мне этот брак не нужен.

– Конечно, не нужен! У тебя же есть эта... как ее там... Лавания.

Сама не знаю, что меня нашло. Мне бы молчать, пока не разобралась в ситуации. Но злость от старой раны будоражила кровь, подначивая дерзить.

– Лавиния...

– Да какая разница, как зовут эту твою... любовницу!

Взгляд моего «мужа» стал по-настоящему злым.

– Не строй из себя ревнивую и оскорбленную. Мы женаты уже месяц, а ты до сих пор отказываешься конsumировать брак.

«Что я отказываюсь делать?» – чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прикусила язык, вспоминая, что читала о подобном в исторических романах. Ох!

– То есть ты за Лавиньями таскаешься, а мне надо брак конsumировать? – Я показательно фыркнула.

– Все. С меня хватит. Я сейчас же запрошу аудиенцию у императора и затребую нашего развода!

Кажется, это было сказано в сердцах. Но я решила, что не

такая уж это и плохая идея. Я не знала, кто такая эта Юлания, за которую он меня принимал. Но если уж она отказывалась консумировать брак так долго, то едва ли ей был нужен этот союз.

Да и я, Юля, терпеть не могла мужиков, которые бегают по любовницам. Хватило мне бывшего.

Так что – пусть едет, хоть к императору, хоть к черту на куличики!

– Отлично! Требуй прямо сейчас, я буду только рада.

Я задрала подбородок и наслаждалась видом его перекосившегося лица. Впрочем, его красоты это не испортило. Как же все-таки он хорош! От таких определенно стоит держаться подальше!

Муж сузил глаза, глядя с подозрением.

– Ты слишком спокойна... – протянул он. – Обычно ты устраиваешь истерику.

– Уж прости, сегодня выходной.

Его взгляд потемнел.

– Ты ведь понимаешь, что тогда... – начал он, но резко оборвал фразу и взмахнул рукой, будто отсекая лишние слова. – Ладно. Раз ты уже все решила. Собирай вещи.

– Куда? – вот тут я занервничала.

– Как куда? Куда хочешь. В свою родовую усадьбу. Или назад – в столицу.

Ух ты! У меня есть родовая усадьба! Правда, почему этот нахал говорит о ней таким тоном, словно это никому не нуж-

ный сарай?

– То есть ты меня выгоняешь?

– Ты же попросила развод.

Ну, вообще это он первый о нем заговорил, но я это уточнять не стала.

– Хочешь, сиди у себя в усадьбе в одиночестве, среди сорняков. Хочешь, ищи нового мужа в столице. Мне все равно.

– О! Какой ты великодушный, – не удержалась я.

Мы сцепились взглядами. На миг мне показалось, что его темные глаза вдруг потеплели, что сейчас он наклонится ко мне, коснется моей щеки и скажет, что не поедет ни к какому императору. Что я его жена и должна ею остаться.

И что самое странное, мне этого так захотелось! С чего вдруг? Я ведь совсем не знала этого человека, а то немного, что слышала, совсем не вызывало симпатии.

Тогда почему внутри так болезненно тянуло – ну, прикоснись же!

Ерунда! Я резко тряхнула головой и, не выдержав, первой отвела взгляд.

Он тяжело вздохнул, словно и сам сражался с каким-то внутренним порывом, а потом резко развернулся и, опираясь на трость и чуть прихрамывая, вышел из комнаты.

Стоило двери захлопнуться, я вскочила с кровати. Видимо, слишком резко: слабость мгновенно накатила, а каждая мышца откликнулась болью. Пришлось крепко зажмуриться и постоять так, пока неприятная волна не схлынет.

Зато дальше я рванула прямо к столику с высоким зеркалом в резной деревянной раме. Мне не терпелось в него заглянуть.

И вот оно – отражение. Я вздрогнула. Конечно, я уже догадывалась, что привычной себя в зеркале не увижу. Что я оказалась в прошлом, а то и вовсе в другом мире.

Но все же одно дело догадываться, и совсем иное – встретить взгляд чужих глаз.

Несколько долгих секунд я таращилась в отражение. И признаться, оно мне понравилось. Очень понравилось! Девушке в зеркале было от силы двадцать три. Белоснежная кожа, густые каштановые волосы, темно-зеленые глаза с длинными ресницами и пухлые губы.

Я невольно провела пальцами по лицу, все еще не до конца веря, что теперь это я. Раньше из отражения на меня смотрела короткостриженная брюнетка, чуть полноватая, вечно заедающая стресс шоколадом, с синяками под глазами.

А теперь... Бог ты мой. Эта девушка явно не знала, что такое бессонные ночи, стресс в офисе и бег наперегонки с автобусом.

Но если я здесь, в этом теле... то где мое? В памяти снова всплыл визг тормозов, длинный гудок и ослепляющий свет фар. Неужели мое тело мертво, а душа каким-то образом переселилась сюда? Тогда где душа Юлании? Что с ней случилось?

По телу снова прокатилась волна боли уже не такая силь-

ная. Но все же... Откуда этот приступ?

Стиснув зубы, я выждала, пока он уйдет, и занялась поисками. Облазила каждый уголок комнаты: тумбочки, ящички, шкафы, – в надежде найти хоть что-то, что могло рассказать мне о прежней хозяйке тела. В идеале, личный дневник. Но ничего подобного не обнаружилось.

Я уже почти сдалась, как вдруг мне улыбнулась удача. Заглянув в шкатулку с драгоценностями, – набитую битком, надо заметить, – я случайно обнаружила, что ее донышко странно скрепит.

Секунда ковыряния ногтем и... щелк! Второе дно отошло. А под ним обнаружилось письмо.

Я взяла плотный, надушенный чем-то приторным, лист бумаги, открыла и поняла, что он написан не на русском языке.

И только тогда я осознала, что говорю и думаю, я тоже не на родном языке. Но мозг легко провел хитрую подмену, и слова приобретали смысл.

С письмом вышло чуть сложнее. Несколько секунд я всматривалась в странные, закрученные буквы. Даже начала переживать. Может, я не умею читать?

Но стоило мне расслабиться, как чужая память пришла на помощь: линии дрогнули и словно перетекли в слова, понятные и ясные, которые я прочитала без труда.

«Знаю, как ты боишься. Но помни, ради чего мы это де-

лаем. Этот день изменит все. Нашу жизнь, будущее. Мы станем не просто неприлично богатыми, мы обречем магию! А с ней и власть. У тебя все получится, я в тебя верю. Просто сделай это сегодня. И тогда уже ничего не сможет помешать нам быть вместе.

Твой К.»

Так-так, интересненько. Я перечитала письмо три раза, словно от этого слова должны сложиться в другой смысл. Но нет, смысл был все тот же.

Прежде всего меня поразило, что в этом мире есть магия. Ну, или же у писавшего буйная фантазия и талант к драматизму. Хотя... с учетом, как я здесь оказалась, поверить в магию было не так и сложно.

Магия так магия. Сегодня меня уже ничем не удивишь.

Дальше. Это письмо объясняло, почему Юлания так упорно отказывалась «консумировать брак» с красавцем-мужем. Все просто: у нее был любимый. Этот загадочный «К», с которым они явно что-то замыслили.

Стать богатыми. Получить магию. Завоевать мир... или хотя бы собственный кусочек власти.

Амбициозно, что тут скажешь... И, судя по написанному, опасно.

Интересно, у них получилось? Учитывая, что сейчас в теле Юлании – я, а сама девушка бесследно исчезла – скорее всего, нет. Похоже, она умерла, делая что-то жуткое и определенно противозаконное. И почему-то в ее теле оказалась я.

Картина происходящего потихоньку вырисовывалась. Я даже смиренно вздохнула, принимая новую судьбу, и тут за занавеской что-то тихо зашуршало.

Я вздрогнула. Письмо тут же – рефлекторно, словно тело действовало без моих указаний – оказалось спрятано в кармане платья.

Я напряженно вглядывалась в источник шума. Я что, в комнате не одна?

Шорох становился громче. Теперь это был даже не шорох, а возня. Как будто кто-то запутался в ткани и тщетно пытался вырваться. Тяжелые портьеры задрожали, заходили ходунном.

– Ну, нет, – прошептала я. – Только не говорите мне, что в это роскошной спальне водятся крысы размером с телят.

Я на всякий случай отступила на пару шагов. Сердце ухало так громко, что, казалось, сейчас выскочит и побежит прочь.

И тут... фр-р-р!

Из складок ткани вылетело что-то черное и пушистое. Оно буквально взмыло вверх, описало дугу по комнате и с легким хлопком приземлилось на ковер.

Я ошарашенно уставилась на это нечто.

Передо мной сидел маленький черный котенок – пушистый, будто облачко, с мордочкой ангельской невинности. Все было бы прекрасно, если бы не пару «но».

Его глаза горели ядовито-зеленым, словно изнутри их

подсвечивали фосфорные лампы. А за спиной у котенка были настоящие кожистые крылья, как у летучей мыши, которые он недовольно сложил, как плащ.

— Э-э, — выдохнула я, не зная, то ли умиляться, то ли кричать. — Я в своем мире такого чуда не встречала. Настоящий котокрыл. Или крылокот?

Котенок нагло посмотрел мне прямо в глаза. И, как мне показалось, ухмыльнулся.

Несколько долгих секунд мы просто смотрели друг на друга. Я таращилась на существо, поражаясь его необычности, а оно — на меня, прищуриваясь и явно что-то обдумывая.

Котокрыл то и дело водил влажным носиком, втягивая воздух, а потом недовольно морщился, словно унюхал что-то подозрительное. Его маленькая головка тряслась, и мне на миг показалось, что он понимает: в теле Юлании теперь обитает другая душа.

Зеленые глаза вспыхивали то ярче, то тускнели, как дыхание таинственного фонарика. В какой-то момент котокрыл задумчиво облизал лапку, провел ей за ухом и склонил голову набок, будто пытаясь решить, что теперь со мной делать. Оцарапать, улететь или принять как новую хозяйку.

Может, это питомец Юлании? Кто знает, какие животные водятся в этом мире.

Решив, что нужно налаживать отношения, я осторожно сделала шаг вперед. Котокрыл напрягся. Уши дернулись, и он посмотрел так подозрительно, что я едва не отказалась от

своей идеи.

Но тут же собралась с духом. Это всего лишь котик. Пусть и с крыльями. Чего я боюсь?

Я подошла ближе, подняла руку и начала медленно, сантиметр за сантиметром, опускать ее над пушистой головкой.

Крылья дрогнули. Котенок внимательно следил за каждым моим движением, словно взвешивая степень моей наглости.

Наконец, мои пальцы коснулись шерстки. Я ласково провела по голове и рискнула почесать за ушком.

Глаза котокрыла вспыхнули зеленым, слегка напугав меня, а потом он прикрыл их и довольно замурчал. Уверенно, громко, так что вибрация отозвалась в пальцах.

– Хороший котик! – облегченно выдохнула я. – Не знаю, как тебя зовут, но будешь... Габи.

Котокрыл, который теперь уже Габи, не возражал. Напротив, он сладко зевнул, расправил крылья, – словно похвастался ими, – и свернулся клубочком на ковре. Будто так и должно быть.

В этот момент в дверь постучали.

Я резко выпрямилась, бросая опасливый взгляд на дверь.

– Зайдите! – выкрикнула, когда стук повторился. Голос прозвучал на удивление уверенно.

Неужели вернулся мой «муж»? Передумал разводиться?

Но нет – в комнату вошла девушка в сером простом платье с белым воротничком. Она сразу опустила глаза в пол, прижимая руки к переднику.

– Госпожа... – ее голос был тихим, даже робким. – Я пришла помочь собрать вам вещи. Наш господин... Танред Эр-гилар велел передать, что вы переезжаете... Сегодня.

Танред – я попробовала имя мужа на вкус. Ему идет.

Значит, все-таки развод? Ну, может, это и к лучшему. Уеду в свою родовую усадьбу, начну новую жизнь. Судя по тому, что Танред вскользь упомянул про «одинокство» и сорняки, она должна пустовать. Но сложности меня не пугают.

– Хорошо, – сказала я, шагнув к девушке. – Собери мои вещи.

Служанка вздрогнула от моего движения, судорожно за-жмурилась и вжала голову в плечи, словно ожидая оплеухи.

Так-так. Похоже, Юлания, несмотря на миловидность и юный возраст, была далеко не ангельской хозяйкой. И видимо, не раз поднимала руку на слуг, раз бедная девочка испу-

галась мимолетного движения.

Это осознание неприятно кольнуло.

– Приступай, – как можно мягче велела я.

Служанка осторожно приоткрыла дверь и на мгновение высунулась наружу. Я уловила ее короткий кивок – и в следующую секунду в комнату вошли двое мужчин-слуг.

Без единого слова они поставили у стены широкий пустой массивный сундук с железными уголками.

Поставили – и также молча исчезли, будто их здесь и не было.

Служанка, не поднимая глаз, скользнула к шкафу и запахнула тяжелые дверцы. Там висело всего три платья. Увидев их, я поморщилась. Каждое из них словно из безумного набора для ярмарочной куклы.

Все ярких цветов, с глубокими декольте, обилием рюш и стекляруса.

Я с досадой скосила на себя взгляд и поняла, что на мне сейчас было что-то из той же оперы: ярко-розовое с нелепыми оборками и откровенным вырезом.

Видимо, Юлания любила привлекать к себе внимание.

– У меня что, всего три платья? – удивилась я, наблюдая за умелыми действиями девушки.

– Н-нет, что вы, – пробормотала служанка и бросила на меня быстрый, недоуменный взгляд. – Это те, что вы велели приготовить на сегодня. Остальные хранятся в другом помещении. Их тоже упакуют для вас.

– Понятно, – пробурчала я, усаживаясь в кресло и мысленно ругая себя за глупый вопрос.

И все же, пока служанка была здесь, нужно попытаться воспользоваться ситуацией и выудить хоть какие-то крупинцы полезной информации.

Я лихорадочно прикидывала, что именно спросить: важно было не выдать себя, но при этом узнать хоть что-то.

– Мой муж уже... еще не уехал к императору? – осторожно спросила я, вспомнив, как Танред грозился отправиться к нему и потребовать разрешение на развод.

Мысленно я тут же сделала пометку: непременно выяснить, почему вообще разрешение на развод дает император. Это правило для всех или такое «счастье» отельная привилегия для знати?

– Не могу знать.

Девушка сжалась в комок. Очевидно, обсуждать со мной хозяйина она не собиралась, а может, и правда не знала.

Я решила зайти с другой стороны.

– А ты не видела моего... питомца? – спросила я, заметив, что Габи куда-то исчез – то ли спрятался под кровать, то ли опять забился под портьеры, услышав чужие шаги.

– Питомца? – служанка снова метнула на меня недоуменный взгляд. Ее голос дрожал. – Какого питомца?

– Такого... черного.

Девушка испуганно затрясла головой.

– Простите... я не знала, что вы завели себе... питомца,

госпожа. И не могу знать, где он сейчас.

М-да. Диалог явно не клеился. Кажется, пора его прекращать, пока несчастную не хватил удар.

Единственное, что мне удалось выяснить наверняка, это то, что слуги боялись Юланию.

Девушка тем временем закончила упаковывать платья в сундук. Туда же поместила шкатулку с драгоценностями и, низко кланяясь, с выражением явного облегчения, удалилась.

Долго побыть в одиночестве мне не дали. Буквально через минуту дверь распахнулась, в этот раз без всякого стука. На пороге стоял Танред.

Муж окинул меня тяжелым взглядом с головы до ног.

– Готова? Мне передали, что твои вещи собраны.

– Готова, – я вскинула подбородок.

Пауза затянулась. Танред как будто что-то обдумывал. Или ждал. Если он ждет от меня просьбы: «останься», – то не дождется.

– Мой... экипаж готов? – первой прервала я молчание.

– Экипаж? – Муж насмешливо вскинул бровь. – Я не настолько жесток, чтобы заставлять тебя целую неделю трястись на колесах. Открою для тебя портал.

– Портал... – Я постаралась не выдать удивления. – Да, так действительно будет гораздо удобнее.

– Идем, – бросил он. – Это лучше делать на улице. Ты

знаешь, что моя сила сейчас... нестабильна.

Он раздраженно поморщился и сильнее сжал рукоять своей странной трости. На секунду мне стало его жаль. Интересно, что с ним случилось? Красивый мужчина в расцвете сил, маг, судя по тому, что способен открыть портал... И вынужден ходить с тростью? Неужели магия не лечит все болезни? Или его недуг особенный?

– Подожди, – резко остановившись, я вернулась в спальню. Заглянула за портьеры и под кровать.

– Что ты ищешь?

– У меня тут бегал такой миленький... зверек, – осторожно объяснила я.

Если служанка ничего не знала о Габи, то значит он появился у Юлании недавно или... вообще только у меня. Но стоило уточнить у Танреда.

Муж недоуменно прищурился.

– Зверек? Ты ничего не путаешь?

– Такой черненький, – уклончиво ответила я. Описывать кота с крыльями не хотелось, слишком уж он казался необычным. – Я бы хотела взять его с собой.

– Не знаю, о ком ты говоришь. Но если кто-то из слуг найдет... зверька, я попрошу доставить его тебе.

– Спасибо! – искренне воскликнула я, прижимая руки к груди.

Танред смерил меня еще один долгим взглядом, от которого мои щеки внезапно вспыхнули. Что это со мной?

– Идем, – буркнула я.

Мы зашагали по длинным коридорам, спускаясь с этажа на этаж. Я решила, что мы находимся в огромном особняке, но стоило спуститься во двор с величественной мраморной лестницы и повернуть голову. Я ахнула: да это же настоящий замок!

Высокие башенки, каменные стены, ажурные переходы между корпусами, а вокруг прекрасный сад со статуями и фонтанами.

Танред, похоже, неплохо устроился. Может, я зря так легко согласилась на развод?

Но тут же вспомнила, как он холодно обронил о любовнице. Нет. Спасибо. Хватило мне одного такого мужчины в жизни.

И как по заказу, стоило подумать о любовнице, как она возникла. Из-за поворота аллеи выплыла девушка – стройная, изящная, с золотыми волосами до пояса. На ней было легкое платье небесного оттенка, идеально подчеркивающее нужные изгибы фигуры. Мое, по сравнению с этим, сразу показалось еще более вульгарным и неуместным.

Девушка посмотрела на меня так, словно могла сжечь взглядом, но стоило ей повернуть голову к Танреду, как ее глаза вспыхнули обожанием. Тут сомневаться не приходилось: передо мной было та самая Лавинья.

Значит, я приняла правильное решение. Мужчина, который приводит в дом, – то есть в замок, – любовницу – это

уже ни в какие ворота!

Да и не мой это мужчина, а Юлании. А я – не она.

Лавинья кокетливо улыбнулась.

– Буду ждать тебя в беседке! – крикнула она и, бросив на меня еще один взгляд, полный ненависти, покачивая бедрами, растворилась в саду.

Внезапно воздух разорвал протяжный, гулкий раскат грома. Я вздрогнула и запрокинула голову.

Небо оказалось ясным, ни облачка! Откуда взялась гроза посреди безоблачного дня?

И тут я увидела то, от чего остолбенела. Высоко над башнями в синеве небес летел дракон. Настоящий. Огромный. Его крылья, словно два черных паруса, мощно рассекали воздух. От каждого взмаха шел низкий гул, словно все вокруг откликалось на его полет.

Солнечные лучи скользили по чешуе, и она то вспыхивала золотыми бликами, то уходила в металлический блеск.

Невероятно! В этом мире обитают драконы! А я еще удивлялась котику с крылышками.

Дракон пронесся над садом, на мгновение накрыв нас гигантской тенью, и скрылся за горизонтом.

– Невероятно... – еле слышно прошептала я.

Но Танред услышал.

– Не замечал у тебя раньше подобной любви к моему виду, – сказал он. В голосе сквозила гордость.

Я моргнула. Кегоvidу?

Подожди-ка... То есть, он имеет в виду, что...

Я постаралась сохранять спокойствие, чтобы не выдать излишнее любопытство и неосведомленность. И все же не удержалась от вопроса.

– Каково это? Вот так... парить над всеми.

На губах Танреда мелькнула полуулыбка.

– Невероятно. Когда тебя подхватывает ветер, мир и все проблемы остаются внизу... А ты мчишься вперед. Это самое прекрасное, что может быть.

Я кивнула, почти не дыша. Значит, я все поняла правильно. Мой муж – дракон. Самый настоящий.

Сколько же всего я не знаю об этом мире...

Голова слегка закружилась, но я тут же собралась. Ничего, разберусь. Похоже, я здесь надолго. Если не навсегда.

– Юлания, еще кое-что...

Внезапно Танред легким движением поймал мою руку. Настолько быстро и неожиданно, что я вздрогнула.

– Прости, что напугал, – тихо сказал он, и его голос будто окутал меня теплой вуалью.

Танред перехватил меня за запястье, поворачивая руку ладонью вверх, и вложил в нее кольцо. Камень на нем сиял мягким голубоватым светом, похожим на тот, что помещен в его трости.

Я подняла на мужа взгляд, безмолвно спрашивая: что это? Спросить голосом не смогла, слова застряли в горле.

Странная волна прокатилась по телу, и я с ужасом поняла,

что дыхание сбилось, будто я только что пробежала несколько этажей по лестнице.

Места, которых касались его пальцы, горели огнем.

Да что со мной? Я разозлилась на свою реакцию. Веду себя словно девчонка, которая впервые узнала, что такое прикосновение мужчины.

– Это кольцо связи, – пояснил Танред, наконец, выпуская мое запястье. – Через него ты всегда сможешь обратиться ко мне. Или я к тебе. Буду сообщать... все, что касается развода.

Развод. Это слово быстро привело меня в чувство. Дымка странной романтики, которая успела образоваться от его касаний, моментально развеялась.

Это не мой мужчина. Да и никогда им не был. Мы разводимся, и его уже ждет великолепная блондинка в садовой беседке.

– Еще я положил деньги на твой счет. На первое время хватит. – Добавил Танред. – Ты сможешь получить их в любом банке.

Я кивнула. Новая жизнь налаживается. Деньги есть. Родовая усадьба есть. Дальше разберусь.

Танред сделал легкий пасс рукой, и воздух передо мной будто треснул, переливаясь странной мерцающей дымкой. Я сразу поняла: это и есть портал.

– Прощай, Юлания, – сухо сказал муж, делая шаг назад. В горле пересохло от волнения.

– Прощай, - выдавила я и шагнула вперед.
В неизвестность, в новую жизнь.

Стоило мне переступить границу портала, как мир вокруг сжался. Легкие свело, и я захлебнулась пустотой. В груди болезненно сдавило.

Но это длилось недолго. В следующий миг я уже жадно втягивала воздух – теплый, густой, чуть влажный. В нем смешивались запахи моря и цветущих растений.

Я поняла: где бы я ни оказалась, здесь гораздо теплее, чем возле замка. Солнце ласково касалось моей кожи, а даже ветерок казался приветливым.

Я осмотрелась. Прямо передо мной были ворота – тяжелые, металлические, со следами кованого узора, который когда-то, наверное, выглядел красиво, но теперь напоминал ржавые сплетения.

Рядом с глухим стуком друг за дружкой приземлились пять сундуков. Я вздрогнула от неожиданности, но тут же облегченно выдохнула. Мои вещи со мной.

Медленно обвела взглядом забор. Он тянулся далеко в стороны, теряясь из виду. Сразу стало понятно: территория родового поместья немаленькая.

За воротами угадывался то ли сад, то ли запущенный парк.

– Ну, здравствуй, новый дом, – я потянула воротину на себя.

Она жалобно скрипнула, но нехотя поддалась.

Меж высоких трав тянулась едва заметная тропинка. Значит, здесь все же кто-то ходил: от ворот и обратно, оставляя тонкий след, не дающий пути зарости. Я решительно ступила на нее.

Стоило миновать первые густые деревья, как передо мной раскинулось оно – родовое поместье.

Трехэтажный особняк вздымался над садом. Величественный и красивый в своей архитектуре: стройные колонны, изящные балконы, высокие окна. В былые времена он, наверное, поражал гостей своим богатством и утонченностью.

Но теперь от этого великолепия осталась лишь оболочка. Камень на фасаде потемнел, кое-где зарос плющом. Крыша местами обвалилась, а на верхнем этаже зияли черные дыры разбитых окон.

Дом смотрел на меня, молчаливо упрекая за то, что его оставили без присмотра.

И все же, несмотря на запустение, в нем чувствовалась гордость. Он не рухнул, не смирился. Лишь ждал, когда у него снова появится настоящий хозяин.

Я поспешила дальше. Мне не терпелось поближе осмотреть свое новое владение и заодно выяснить, кто же здесь живет. Может, сторож? Слуги? Или кто-то из родителей Юлании? Последний вариант самый нежелательный. Я ведь совсем ничего не знала о девушке, то есть теперь о себе...

новой.

Возможно, этот кто-то поможет затянуть мне в дом сундуки с вещами, которые так и остались стоять у ворот.

Я не прошла и десяток шагов, когда сзади меня раздался гневный голос:

– А ну, стоять!

Танред

Танред стоял, задумчиво глядя туда, где только что захлопнулся портал. Произошло то, о чем он мечтал последние месяцы. Юлания ушла из его жизни.

Только почему на душе вдруг стало так тяжело и тревожно?

Когда он впервые услышал ее имя от императора, то сразу понял: из идеи брака ничего хорошего не выйдет.

– Мой придворный маг-предсказатель утверждает, что ему было видение, что именно эта девушка тебе поможет. – Заявил тогда император, который, по совместительству был его другом.

На столе перед Танредом лежали бумаги, подробно описывающее биографию Юлании. Двадцать два года, сирота. Мать умерла в раннем детстве, отец прожил немногим дольше, но, увлеченный азартными играми, успел проиграть все состояние, оставив лишь родовое поместье.

Юланию воспитывали в пансионате для благородных девиц, внушая ей, что главное в жизни – удачно выйти замуж.

И, судя по всему, именно этим она и собиралась заняться.

Она ходила с приема на прием, с бала на бал и, по слухам, имела многочисленных воздыхателей, умело крутила мужчинами и отличалась несносным характером.

– Может, твой маг ошибся? – хмыкнул Танред, отодвигая бумаги.

– Нет! Ты же знаешь, он никогда не ошибается! – император дружески хлопнул Танреда по спине.

Дракон нахмурился и снова бегло пробежал глазами по строкам.

– Но как она это сделает? Обычная девушка, без титула, магии, с не самой идеальной репутацией... Впрочем, до последнего мне дела нет.

Император посмотрел на него с лукавой улыбкой:

– Мне самому интересно – как? Поэтому женись на ней, там и выясним...

– Нет.

– Это приказ.

– Что? Тоже мне друг, называется...

И Танред женился. Ему и самому хотелось верить в чудо. Но чуда не произошло.

Юлания оказалась действительно такой, какой описывали ее слухи. Вспыльчивой, требовательной, с невыносимым характером.

Перебравшись в замок, она скандалила по любой мелочи, каждый день требовала новые подарки и, не стесняясь, сры-

валась на слуг, порой даже поднимая на них руку, несмотря на все запреты Танреда.

Но хуже всего, она так и не соизволила разделить с драконом постель. Впрочем, он не сильно-то и настаивал. Ему самому было безразлично думать о том, чтобы коснуться ее.

Накануне Юлания перешла все границы: она накинулась на Лавинию и оттаскала ее за волосы. И причиной была отнюдь не ревность, как могло показаться.

На весь замок Юлания возмущалась, что новое кольцо для его любовницы было дороже, чем для нее. Она требовала от Лавинии немедленно его снять и отдать ей.

И эта девушка как-то должна помочь ему в его проблеме? Танред вздохнул.

Но сегодня... Сегодня произошло нечто странное. Он увидел в Юлании то, чего не видел раньше. Чего просто не могло в ней быть.

Боль. Когда она говорила о его любовнице, ее обычно пустые, холодные глаза вдруг наполнились такой мукой, что сердце дракона дрогнуло. Что это? Новая игра в любящую жену?

А потом – восторг. Настоящий, детский, чистый, когда она увидела дракона. Ее лицо, обращенное к небу, сияло, а глаза светились восхищением так ярко, что казалось, она сама превратилась в свет.

До этого восторг у Юлании вызывало лишь золото и брильянты. Но и он выглядел иначе: алчно вспыхнувшие глаза

и недовольно поджатые губы. А почему брильянт не в два раза больше?

Танред не выдержал. Он сделал то, что еще вчера бы вызвало у него отторжение: оставил Юлании кольцо связи. Ему вдруг показалось важным знать, где она и что с ней.

«В конце концов, она моя жена. Пока еще...» – оправдал он собственный поступок.

И более того – он перевел небольшую сумму на ее имя, на отдельный счет, к которому она могла получить доступ в любом банке. Сам себе он объяснил это как жест вежливости, как способ поскорее разорвать их брак без лишних скандалов.

Но в глубине души Танред знал: вчера он даже не подумал бы об этом.

Юлания всегда умела выкручиваться, и, если бы захотела – моментально нашла бы себе в столице нового покровителя, жаждущего оплачивать все ее счета. Но еще одна странность заключалась в том, отправилась она вовсе не туда. Не в столицу, а в родовое поместье.

В место, которое она сама называла жалким. В дом, о котором она говорила с ненавистью и презрением, мечтая сжечь его дотла, оставив лишь горсть пепла.

Так что поменялось?

Юлания

Я замерла, пытаюсь понять, откуда доносится голос.

Трава сбоку зашевелилась, и оттуда вышла невысокая, но крепенькая старушка с пучком на затылке, в сером льняном платье и... с топором в руках.

– Кто ты? – сурово выкрикнул она, угрожающе перехватывая рукоять.

Почему-то сразу в голове всплыли сцены из фильмов ужасов, где героини погибали в первые десять минут. Я нервно сглотнула, но постаралась, чтобы голос прозвучал уверенно:

– Юлания. Хозяйка этого поместья. А вы кто?

Старушка изумленно вытаращила глаза.

– Юлания!

И тут боевая женщина рванула ко мне. Я, честно говоря, испугалась и на всякий случай отпрыгнула, готовясь дать деру.

Но старушка отбросила топор в сторону, – тот с глухим стуком вонзился в землю, – и по родному обняла меня. Так, что хрустнули ребра...

– Миленькая моя! Прости, не признала! Я ж тебя последний раз семилетней девочкой видела... Ну и поменялась же ты! Настоящей красавицей выросла. – Щебетала старушка.

Так... Если она видела меня в семь лет, то вполне разумно, что я могу ее не помнить. Отличная отговорка!

Я осторожно отстранилась и максимально вежливо спросила:

– Простите, а вы мне кем приходитесь?

– Не помнишь меня? – грустно вздохнула она, вытирая на-

бежавшую слезу. Казалось, она была действительно растрогана моим появлением. – Марфа я... Еще при бабушке твоём прислуживала... – Она запнулась, ее лицо на миг омрачилось. – Пока он... Ну ты знаешь. А потом тебя в пансионат забрали, а я вот здесь осталась. Так до сих пор и живу...

Я приободрилась: значит, в поместье все же были люди. Хотя, глядя на заросший участок и разбитые окна, возникали сомнения.

– А ты что приехала? – с грустью спросила Марфа. – Решила все-таки продать поместье?

– Продать? – я на секунду растерялась. – Нет... Я приехала сюда жить.

Старушка ошарашенно округлила глаза:

– Жить?

– Ага.

– Но как же... А ведь до меня доходили слухи, что ты замуж за дракона вышла. Богатого и властного, не абы кого...

– Так и есть, вышла, – призналась я. – Но... не сложилось. Разводимся. Вот и вернулась в отчий дом.

– Ах, вот оно что! – Марфа яростно всплеснул руками. – Тиран проклятый! Отправил мою девочку в эти руины! Как же ты тут будешь?

Я пожала плечами:

– Вы-то как-то справляетесь. Кто еще здесь живет?

Старушка грустно улыбнулась и качнула головой:

– Я одна. Да и то живу потому, что больше нигде.

Настрой Марфы меня слегка смутил и даже расстроил. Но я решила: буду преодолевать проблемы по мере их поступления. Для начала не мешало бы затащить мои вещи поближе к дому, пока их кто-нибудь не... облюбовал. Все-таки это мое единственное наследство.

– Марфа, у меня там сундуки у ворот. Помогите перетасщить их в дом.

Старушка приободрилась, было видно, что дополнительная работа ее не испугала. В глазах мелькнул живой огонек.

– С этим мы живо управимся! – отозвалась она, семена в сторону ворот.

Мы взялись за первый сундук с обеих сторон и понесли. Дело пошло на удивление быстро. Марфа то и дело меня подбадривала:

– Вот и ладненько у нас с тобой все выходит! Руки помнят! Сколько сундуков я в свое время перетаскала.

Один за другим сундуки оказались в поместье. Я смахнула пот со лба.

– Вот и славно! – выдохнула Марфа. – А теперь идем, накормлю тебя, чем богата, да потолкуем. С дороги, голодная небось?

– Очень! – призналась я, вспоминая, что в последний раз ела еще... в прошлой жизни.

Потирая ноющие плечи, – тело Юлании явно раньше физической работы не знало, – я поспешила за старушкой, одновременно рассматривая свой новый дом.

Поместье производило на меня двойственное впечатление. С одной стороны – восхищение. Когда-то это место было великолепным.

Я скользила взглядом по нежным обоям в цветочный узор, давно потускневшим, но все еще сохранившим изящество. По потолку, где белела лепнина. По высоким деревянным дверям с медными ручками.

С другой стороны, слишком сильно здесь ощущалось запустение. Под ногами жалобно скрипели доски, кое-где виднелись следы сырости, в углах копилась паутина.

На ходу я заглянула в одну из распахнутых дверей, и сердце неприятно сжалось. Комната оказалась совершенно пустой: голые стены, облупившаяся краска, и только тусклые пятна на полу намекали, что когда-то здесь стояла мебель.

Марфа, заметив мой взгляд, только коротко вздохнула, но ничего не сказала и повела меня дальше.

Мы вошли на кухню, и меня сразу окутал густой, теплый аромат – пахло дымком, свежеиспеченным хлебом и чем-то ягодным.

В глубине помещения возвышалась широкая каменная печь, в которой весело потрескивали дрова. С потолка свешивались пучки сушеных трав, а на полках стояли глиняные кринки и кувшины.

Все выглядело просто, но здесь чувствовался уют. Кухня оказалась обжитой.

– Вот здесь я и обитаю, – бодро сказала Марфа, проворно

вынимая из печи чугунок. — И готовлю, и ем прям тут. На что мне всякие парадные залы? В них только сырость да пустота.

Она поставила чугунок на массивный дубовый стол, возле окна. Я села на крепкую скамью, продолжая осматривать кухню. В углу стоял шкаф с посудой, откуда шустрая старушка достала глиняную миску и старый половник.

— Держи, деточка, — Марфа ловко зачерпнула густую кашу и выложила ее в посудину. Сверху посыпала щедрую горсть ягод: голубику, малину, ежевику. — Здесь у нас этого добра полно.

Ягоды расплылись соком по каше, и блюдо заиграло всеми цветами. Вид у обычной овсянки оказался такой аппетитный, что у меня тут же предательски заурчало в животе.

Старушка с жалостью посмотрела на меня.

— Кушай, деточка... Уж не знаю, что у тебя с треклятым драконом приключилась, раз пришлось тебе сюда возвращаться... Но ничего, справимся вдвоем. Откормим тебя и нового жениха найдем, лучше старого...

Я с улыбкой накинулась на еду. В груди разлилось странное чувство, как будто это и правда был мой дом, и меня здесь ждали.

А новый жених мне не нужен. Мне бы быт наладить, поместье в достойный вид привести да найти дело по душе, которое бы доход приносило.

Сколько бы мне дракон на счету ни оставил, на всю жизнь мне этого все равно не хватит.

– А ведь я чувствовала, что что-то хорошее случится, – сказала вдруг Марфа, склонив голову набок. – Знак мне был послан.

– Какой знак? – я оторвалась от каши, заинтригованная загадочными нотками в голосе старушки.

– Может, ты мне не поверишь... Скажешь, мол, старушечьи бредни, ерунда. Но вот что этой ночью приключилось...

Марфа поднялась и принялась возиться с чайником, не то, интригуя меня еще больше, не то, собираясь с мыслями. Вскоре по кухне поплыл травяной аромат.

Я с любопытством наклонилась вперед:

– Ну так что случилось ночью?

Старушка покосилась на меня, понизила голос, словно боялась, что нас кто-то подслушает:

– Проснулась я, значит, среди ночи оттого, что в саду, на заднем дворе, внезапно вспыхнул свет. Ослепительный, как сотни фонарей разом, да только... сам собой. Мгновение. И погас.

Я невольно поежилась, а Марфа продолжила:

– Ночью я туда не сунулась, сама понимаешь... С утра думала, почудилось, приснилось. Но все же прошла проверить. – Она на миг замолчала. – Прихожу... а там из-под земли ключ бьет. Родник, понимаешь? Вода чистая, звонкая, камушки омывает, звенит. Никогда его там не было, а я ведь каждый уголок здешний знаю. Добрый знак это – я так для

себя решила. И вот... ты приехала.

Я удивленно распахнула глаза.

– Интересно. Надо будет взглянуть.

– Наглядишься еще, – Марфа принялась разливать чай по глиняным кружкам. – А пока ешь давай. Вон какая худая.

И правда, внезапно появившийся родник – это, безусловно, интересно, но у меня были дела и поважнее. Например, побольше выяснить о мире, где я оказалась. И о себе... новой. Чем я сразу и занялась.

– Марфа, а как получилось, что вы остались в этом поместье одна?

Старушка поставила передо мной дымящуюся чашку, сама прихлебнула из своей.

– Не знаю, что ты дитем запомнила, поэтому расскажу, как было. Матушка твоя упокоилась, когда тебе было три...

Я грустно кивнула, хоть Марфа и не ждала моей реакции.

– И твой отец сорвался... – Она осуждающе покачала головой, поджимая губы. – Играть начал! Прямо жил картами, костями, да сомнительными компаниями. Твое наследство таяло на глазах.

Она помолчала, сделала глоток и продолжила:

– Перестал он и слугам платить. Люди и разбежались кто куда. Кто в город подался, кто к соседям нанялся. Осталась только твоя нянька, да я. Да и мы... только из любви к тебе, да уважению к твоей матушки держались.

Я снова кивнула. Вот оно как...

– Ты уж, наверное, не помнишь, как у нас из гостиных мебель выносили? Когда у твоего отца закончились деньги, он начал проигрывать, что было. Кресла, буфеты, картины. Даже рояль и тот уволокли.

Я опустила взгляд и покачала головой:

– Это стерлось из моей памяти.

Марфа тяжело вздохнула и сделала большой глоток, словно запивая тяжелые воспоминания.

– А потом Боги разгневались да забрали его. Думаю, проживи твой отец еще месяц-другой, то и поместье бы тебе не осталось. А так прям за картами и помер. Вот и вся слава.

Надо же, как наши с Юланией судьбы оказались похожи. Я тоже рано потеряла мать, а потом, будучи подростком, отца. Осталась одна. Должно быть, это одиночество и подтолкнуло меня к раннему браку, который ничем хорошим не закончился.

Деток, о которых я мечтала, он не принес, а вот боль, обиду и предательство – в полной мере. И все же, несмотря на схожесть судеб, из того, что я успела узнать – мы с Юланией были разными.

– А потом тебя нянька в столицу отвезла, в пансионат.

– А вы? Почему вы тут остались?

– Беда у меня случилась, – Марфа тяжело вздохнула. – Был у меня домишко в местной деревне, да пожаром спалило его подчистую. Ни детей, ни внуков у меня нет. Вот и осталась тут, приглядывать по мере сил. Да только что я мо-

гу? Денег нет, поместье ветшает, крыша провалилась. Я уж только стараюсь, чтоб совсем не разграбили. Гоняю бродяг, да за порядком кое-как слежу. Насколько здоровья хватает.

Она развела руками, словно показывая, что ее возможности не так уж велики.

– Спасибо вам за это! – искренне поблагодарила я.

Все-таки я вернулась в дом, где меня ждал горячий обед и хоть какой-то порядок.

– Да за что спасибо? – Марфа только махнула рукой. – Это тебе спасибо. Столько лет меня не гнала. Но если хочешь... я уйду. Ты... вы... же вернулись.

Старушка вдруг встрепенулась, вскочила со скамьи, будто только сейчас по-настоящему осознала, что напротив нее сидит не просто девушка, а законная владелица поместья.

– Нет, нет, что вы! Я очень рада, что вы здесь. Дом большой, всем места хватит. И называйте меня на «ты».

Марфа с облегчением опустилась обратно на скамью, тяжело выдыхая.

– И ты меня на «ты» называй. Негоже, что хозяйка старухе «выкает».

– Договорились.

Марфа, заметно повеселевшая, что ее не прогоняют, продолжала щебетать без умолку, пока я доедала кашу и наслаждалась ароматным травяным чаем.

– Тут есть деревушка недалеко от поместья, внушительная, – воодушевленно рассказывала она. – Там и кузнец есть,

и портной, и пекарь, у него я как раз и подрабатываю. Его булочки славятся на всю округу, а я, значит, выкладываю их на прилавок, да прибираюсь по утрам. На большее сил у меня нет. Но и так неплохо... Хлеб есть, да на мелочи хватает.

Я слушала, кивая, и делала пометки в голове. Мир начал обретать очертания.

– А если дальше пойти за деревней, там уже дороги в стороны расходятся, – продолжила Марфа. – На запад – к горам. На восток – к морю. До моря на повозке минут тридцать всего. Говорят, там такие рассветы, что сердце в груди замирает. Рыбаки каждый день возвращаются с уловом.

Я невольно представила, как обживусь и буду ездить на море, встречать эти самые рассветы, гулять босиком по влажному песку, улыбаясь бризу.

Мысли на миг улетели так далеко, но голос Марфы вернул меня обратно.

– На север идет большой тракт. Там города большие, да не один. Ну ты это и сама знаешь.

Я сделала вид, что знаю и кивнула.

Так, за разговорами, я допила чай.

– Ну, идем, оглядишь свои владения! – поднялась со скамьи Марфа.

Я последовала за ней. Мне и самой не терпелось уже взглянуть на свой новый дом и его территорию.

Мы с Марфой отправились на экскурсию по поместью. Старушка явно наслаждалась этим процессом, каждая новая открытая дверь зажигала в ее глазах искры светлой грусти.

– Вот здесь, – рассказывала она, распахивая дверь и проводя пальцем по потемневшему от времени дверному косяку, – твоя матушка любила устраивать приемы. Музыка гремела, танцы до утра, гости съезжались со всех соседних городов. Я всегда помогала подавать угощения, да все заглядывалась на платья дам. Какая красота была!

Марфа улыбнулась, но в ее улыбке виднелась печаль.

– А вот тут у нас кладовая была. Столько всего хранилось... Я до сих помню запах сушеных яблок... А тут библиотека.

Я осмотрела пустые полки до потолка.

– Книги тоже отец проиграл?

Марфа лишь тяжело вздохнула в ответ.

Так, мы переходили из комнаты в комнату: старушка показывала пустые стены и рассказывала о том, как они когда-то дышали жизнью.

Закончив с первым этажом, мы поднялись на второй. Здесь в основном были спальни. В левом крыле – хозяйские, в правом – гостевые.

Правда, все они тоже давно опустели. О былой роскоши

намекали лишь высокие окна, добротный деревянный паркет, который неплохо тут сохранился, да изящные обои. Мебели нигде не было.

И вдруг Марфа смущенно улыбнулась, приоткрывая очередную дверь.

– Когда-то это была твоя детская. Но я жила тут все эти годы.

Я вошла внутрь, и сердце странно кольнуло. На фоне всеобщего запустения эта комната выглядела уютной: детская кровать с изголовьем, обои в нежно-розовый цветочек, креслице в виде лошадки.

– Но я сегодня же ее для тебя освобожу, – поспешно добавила Марфа.

– Не стоит, – мягко возразила я. – Я выберу себе другую комнату.

Впрочем, особого выбора не представилось. Мебель обнаружилась только в небольшой узкой спальне, бывшей комнате няни Юлании.

Там была старая перекошенная кровать и стул.

– Останусь тут на первое время.

Для себя я решила, что первое, с чего нужно начать – это покупка мебели. Пусть скромной, но все же, чтобы было на чем спать и куда сложить вещи.

«Хоть кровать да шкаф», – прикинула я. Хорошо, что Танред оставил мне денег на первое время. Интересно, сколько там? Хватит ли на самое необходимое? Или придет-

ся выбрать между матрасом и столом?

Мысль вроде бы была практичной, но почему-то стоило вспомнить мужа, как в груди разлилось странное тихое тепло. Я нахмурилась. С чего бы это?

– Идем на третий этаж, – позвала я Марфу, силой воли погашая непрощенный трепет.

Третий этаж выглядел особенно печально. Над одной из комнат провалилась крыша. По стенам расползалась черная плесень, кое-где даже пробивался мох. Здесь запустение чувствовалось сильнее всего.

– Тут в основном были комнаты для слуг, – рассказала Марфа. – Ну и кое-какие складские помещения.

Я шла по коридору, с грустью заглядывая в одну за другой двери. Кое-где прогнил пол, были выбиты окна. Да... Работа предстоит немалая.

Я зашла в одно из помещений и выглянула в окно. С третьего этажа открывался отличный вид на мои новые владения. Прижавшись к подоконнику, я задержала дыхание.

Территория оказалась куда больше, чем я представляла. Но вся она тонула в бурьяне, так что местами было трудно различить ее границы.

Впрочем, сквозь этот хаос все еще угадывались следы порядка. Вот там, левее, стройно выстроились ряды старых яблонь и других плодовых деревьев. Целый сад, в глубине которого виднелась деревянная беседка. Даже отсюда было заметно, что ее перекосило от времени.

Чуть правее – чернела круглая каменная площадка.

– Там раньше ставили жаровню и устраивали летние праздники с угощением и музыкой. – Пояснила Марфа.

Теперь же камни заросли мхом, а в стыках пробивалась трава.

За площадкой виднелись кусты роз, которые разрослись в настоящие колючие заросли.

– У твоей мамы был розарий. Лучший в округе. – С грустью шепнула старушка. – А за ним... Вон там... – Марфа указала куда-то за кусты. – Там теперь бьет родник.

Я прищурилась, пытаясь разглядеть блеск воды. Сердце почему-то невольно забилося чаще. Но с высоты ничего увидеть не удалось.

Сколько тут работы – мама дорогая. Даже просто, чтобы скосить бурьян уйдет не один час. Да какое там – не один день. А я даже косу держать не умею.

Ничего, научусь. Со всем справлюсь. В груди тихо теплилось странное чувство: это поместье и этот сад ждали именно меня.

Все случилось, как должно было случиться. И теперь я дома.

Не успела я додумать эту странную мысль, как за дверью что-то зашуршало.

– Крысы? – возмущенно воскликнула Марфа, подбочившись. – Не было же! Я всех лично разогнала!

Я с интересом уставилась на дверь, а в следующий миг

оттуда выпорхнул котокрыл.

– Габи! – удивленно выдохнула я, застыв на месте. Впрочем, удивление быстро сменилось радостью. – Как же ты меня нашел?

Черный шерстяной комочек радостно кружил вокруг меня.

– Это что еще за нечисть? – отпрянула Марфа. – Крылатый кот?

– А что такого? – осторожно спросила я. – Никогда не видели таких котиков?

Я все еще не понимала, Габи обычная зверюшка для этого мира, или же что-то нестандартное и явно наделенное магией? А иначе, как он нашел меня так далеко от замка?

– Да где ж я увижу? – старушка не спускала подозрительных глаз в Габи. – У нас в деревне только обычные коты ходят. А это, видимо, какой-то столичный экземпляр. У них там, говорят, чего только нет. На днях слыхала, что они собачек маленьких разводят, таких, что не больше кошки. И дамы везде с ними ходят. И на кой им такие собаки – непонятно. Собаки же должны быть такими, чтобы дом охранять... А те тявкают почему зря.

Я улыбнулась. Может, и правда Габи какой-то столичный питомец. Котокрыл тем временем впорхнул мне в руки и громко замурлыкал, подставляя шею для почесывания. Иногда он косился на Марфу с выражением «видала, как надо».

Старушка несколько минут его рассматривала, а потом

сменила гнев на милость.

— Ну ладно, крылышками машет, а мурлыкает-то хорошо, как надо, по-кошачьи, — пробормотала она. — Идем, страшилище, я тебя молочком напою. Как раз сегодня у соседки забрала, у той корова есть. А то вон какой худой, весь в хозяйку.

Габи тут же оживился, совсем не обидевшись на «страшилище», издал радостный «мурр» и, не дожидаясь повторного приглашения, выскользнул из моих рук. Подлетев к Марфе, он мягко ткнул ее в плечо, словно подгоняя.

Я закатила глаза:

— Вот продажная душонка. Одного обещания молока хватило, чтоб завести себе нового лучшего друга.

Габи невинно заморгал, словно говоря «не обижайся».

Марфа прыснула от смеха и потрепала Габи между ушей:

— А умный какой!

Все вместе мы спустились на первый этаж. А дальше наши пути разошлись, старушка с котокрылом поспешила на кухню, а я — в кладовку за инвентарем.

Пора было браться за дела.

Я решила начать с уборки. Дело уже близилось к вечеру, и нужно было прибрать комнату, где мне предстояло переночевать.

Марфа, хоть и следила в поместье за порядком, но сил у нее хватало только на уборку в основных помещениях, а

остальные давно стояли пыльные и забытые.

Я прихватила тряпки, старую швабру и набрала в ведро воды, — благо она тут текла из крана, и даже теплая!

А вот с электричеством дела обстояли хуже. Люстр почти нигде было: отец Юлании умудрился проиграть даже их. А там, где они остались, чуда все равно не случилось. На все мои щелчки тумблером туда-сюда, люстры оставались мрачными.

Я сбегала на кухню к Марфе, чтобы узнать, вдруг я что-то делаю не так. Старушка перебирала какие-то травы на столе.

— А свет в поместье есть? — осторожно поинтересовалась я.

— Был, — вздохнула она, не отрываясь от дела. — Да много лет уж как отключили. За неуплату. Воду-то не смогли, а вот свет забрали без жалости.

«И на том спасибо», — решила я, возвращаясь к уборке.

С уборкой маленькой комнаты я управилась быстро: смахнула паутину со стен, вымыла пол, протерла окна, впустив внутрь свежий воздух. Паркет засиял от моих стараний.

Я застелила свежее постельное белье, которое выдала мне Марфа, и подумала, что для ближайших ночей этого вполне достаточно.

Закончив, я перебралась в другую комнату, ту самую которую при осмотре поместья, приглядела себе под будущую спальню. Эта комната была просторнее и светлее.

И ее окна выходили прямо на сад. Вечернее солнце раз-

ливалось по стенам мягким светом, и на бежевых обоях с тонкими узорами в виде ветвей и завитков играли веселые зайчики.

Я представляла, как поставлю сюда широкую кровать с высоким изголовьем, чтобы вечером уютно проваливаться в подушки и слушать, как в саду шумят листья и поют птицы.

А еще у стены должен стоять шкаф. Пусть самый простой, но крепкий, с дверцами из светлого дерева. И непременно небольшой письменный стол у окна, чтобы можно было читать книги, глядя в сад.

С уборкой в этой комнате я тоже справилась быстро. Полы заблестели, окна засияли, комната, пусть и пустая, словно ожила.

Но под конец я поймала себя на том, что спина неприятно заныла, а руки налились тяжестью.

Наверное, если бы это было я – Юля, в моем привычном теле, я бы даже не заметила такой нагрузки: десяток наклонов, ведро воды туда-сюда, и нет никаких проблем.

Но тело Юлании оказалось куда более изнеженным. Оно явно не привыкло к тряпкам и тасканию ведер, и теперь каждая мышца громко протестовала.

Я вытерла пот со лба и усмехнулась: «Ну вот, только стала хозяйкой поместья, а руки уже предательски дрожат».

Но, в любом случае, я решила больше не нагружать себя уборкой сегодня. Тем более что Марфа как раз крикнула, что принимается за ужин и аромат чего-то сытного уже потянул-

ся по коридорам.

Да и солнце уже клонилось к закату, и в комнатах становилось все темнее.

Успею еще навести порядок! У меня вся жизнь впереди!

Перед ужином я решила прогуляться по территории. Это оказалось не так-то просто: трава поднималась мне почти по плечо, и идти приходилось медленно.

Но кое-где я все же находила вытоптанные тропинки. Должно быть, по ним ходила Марфа. Вот тропинка, ведущая к малиннику. Колючие ветви раскинулись во все стороны, и на них виднелись темно-алые ягоды. Чуть в стороне угадывались кусты голубики, покрытые крупными сизыми ягодами.

Другая тропинка вывела меня к розарию. Здесь я замерла: розы действительно оказались великолепны. Хотя кусты и стали дикими и разросшимися, и некоторые бутоны склонились под собственной тяжестью. И все же они были прекрасны: белые, алые, бледно-розовые, янтарные. Роскошное смешение красок. А аромат...

Я вдохнула его полной грудью. Он был чудесен.

И вот еще одна тропинка – узкая, почти скрытая высокой травой, едва заметная. Она должна вывести меня к роднику, о котором упоминала Марфа. Сердце чуть ускорило ритм: чудеса тянули меня к себе.

Осторожно раздвигая бурьян, я направилась вперед.

Тропинка вывела меня на небольшую полянку. Здесь тра-

ва оказалась пониже, будто природа отступала перед чем-то важным. А в самом центре журчал родник.

Он выглядел совсем не так, как я себе его представляла. Не как дикий источник. Напротив, казался на удивление ухоженным, словно человек приложил руку к его красоте.

Из земли выбивалась тонкая струя воды, прозрачная, как стекло. Она била вверх, переливаясь на солнце, а затем падала на россыпь серых камней, которые, казалось, кто-то специально разложил там.

Вода, ударяясь об камни, весело звенела, а потом, стекая по ним, исчезала в щелях и растворялась в густой траве.

И эта трава, что росла вокруг родника, тоже казалась особенной. Золотистые лучи заходящего солнца ложились на нее так, что она светилась нежным сиянием.

«Должно быть, это какая-то оптическая иллюзия, преломление света и воды», – решила я для себя.

Не удержавшись, я шагнула ближе. Родник так и звал к себе, манил пригубить его манящей влаги.

Откуда ни возьмись, вышел Габи, напугав меня. Котокрыл сел напротив и уставился внимательным серьезным взглядом. Он словно чего-то ждал.

– Что? Марфа закончила с ужином и зовет меня? – поинтересовалась я, почему-то тушуясь перед пронзительными глазами котокрыла с ярким зеленым блеском.

Габи не ответил. Лишь продолжил смотреть. А родник все манил.

Хрустальный звон словно напевал о том, что я должна испробовать его ледяной влаги. И я не удержалась.

Наклонилась и, зачерпнув в ладонь воды, сделала глоток.

Вода оказалась студеной, но не обжигающе холодной, а приятной – бодрящей и удивительно вкусной, с едва уловимой сладостью.

Стоило глотку скользнуть по горлу, как внутри разлилось что-то мягкое, теплое, словно каждая клеточка моего тела наполнилась жизнью. Мир вокруг словно стал ярче.

В груди что-то дрогнуло, затрепетало. Я на миг замерла, блаженно прикрывая глаза, и не удержалась от довольной улыбки.

Какая бодрящая вода! Нужно почаще сюда заходить. Я зачерпнула еще и сделала новый глоток.

Габи деловито расправил крылья за спиной и вспорхнул. Мне показалось, что он загадочно улыбался. Глупости! Разве коты могут улыбаться?

Мы вернулись на кухню к Марфе. Старушка как раз вынимала из печи румяную картофельную запеканку с аппетитной золотистой корочкой из сыра.

– Ну вот и вы! – обрадовалась она. – А я как раз вас звать собралась.

Мы уселись за стол. Даже Габи устроился на лавке. Запеканка оказалась дивно вкусной. Простая еда, но в ней чувствовалась душа и забота. Картофель буквально таял во рту,

а сыр тянулся тонкими нитями.

Хоть блюдо и было простым, я поймала себя на мысли, что давненько так вкусно не ужинала. Разве что не хватало к запеканке сочного куска мяса, хоть и без него еда казалась праздничной.

Я уже прикидывала, что завтра первым делом нужно отправиться в деревеньку. Разведать, что там и как, где можно покупать продукты, какие цены, и вообще – познакомиться с местными. Да и не мешало бы разобраться, сколько у меня денег.

– Марфа, – осторожно спросила я, – а тут есть что-то вроде банка?

– Банка нет. Но деньгами у нас староста заведует. – Охотно пояснила она, накладывая себе еще кусок запеканки. – У него магический артефакт хранится, все твои сбережения там числятся. Зайдешь к нему, он тебе выдаст сколько попросишь.

– Артефакт? И никаких бумаг или документов не нужно?

– Нет, зачем? – удивилась Марфа. – Артефакт сам знает, кому сколько принадлежит. Ошибки быть не может.

Мы еще недолго поболтали, пока я не поняла, что у меня слипаются глаза. День выдался бесконечным.

– Беги, деточка, отдыхай. Я посуду помою и тоже спать пойду. – Велела Марфа. Возражений она не принимала.

Я взяла в сундуке ночную сорочку, приняла ванну и отправилась спать.

Спала я на удивление отлично. Мне снились яркие, слегка чудаковатые сны.

Проснувшись я от осторожного стука в дверь.

– Деточка, я собираюсь на работу, – донесся голос Марфы.
– Ну что, ты идешь со мной в деревню? Или еще поспишь?
– Иду! – отозвалась я и рывком села на кровати.

Солнце еще только поднималось над горизонтом, и я бы с удовольствием поспала еще часок-другой. Но нарушать собственные планы не стала: нужно вливаться в новую жизнь, и знакомство с деревней казалось правильным началом. К тому же Марфа могла показать мне, где что находится.

– Ну тогда одевайся, выходим. Я обычно с утра не завтракаю, но, если ты хочешь, что-нибудь приготовлю для тебя, – добавила старушка.

– Нет-нет, не стоит утруждаться ради меня, – поспешно выкрикнула я.

Габи, свернувшийся калачиком у моих ног, сладко потянулся, лениво зевнул и с недовольным видом наблюдал, как я торопливо выбираю себе наряд.

Это оказалось непростой задачей. Наряды Юлании больше предназначались для приемов и романтических свиданий, а не для сельской утренней прогулки.

Наконец, мне удалось отыскать более-менее подходящее платье. Голубое, из легкой ткани, без лишних украшений и с деликатным вырезом. Правда, разрез сбоку тянулся чуть ли не от бедра.

«Взять бы иголку и нитку, да зашить...» – мелькнула мысль. Но сейчас возиться было некогда. Надену как есть.

Я уже стянула с себя сорочку и собиралась нырнуть в платье, как замерла, ошеломленно уставившись на свое тело.

Через живот, чуть выше пупка, тянулась надпись. Четкая, словно вбитая в кожу тонкой иглой, но язык был мне непонятен. Изящные, слегка вытянутые буквы, переплетались в замысловатый орнамент.

Я нахмурилась, провела пальцем по надписи. Или это был узор? В любом случае вчера его не было. Я точно знаю. Я принимала ванну и рассматривала тело Юлании. Оно было безупречным: ни шрамов, ни отметин. И уж тем более никаких татуировок.

Значит, эта странная вязь появилась за ночь. Холодок пробежал между лопаток. Почему-то появилось неприятное ощущение, что ничего хорошего эта надпись не несет.

– Юлания, ты готова? – раздался взволнованный голос за дверью. – Я могу опоздать на работу.

– Да, готова! – я быстро натянула голубой наряд и вышла к Марфе. – Идем!

Деревушка оказалась такой, что в нее невозможно было не влюбиться с первого взгляда. Казалось, я попала в старинную открытку.

Серые каменные дома теснились друг к другу, образуя узкие улочки, петлявшие, как маленький лабиринт.

Стены домов были покрыты тонкой сетью трещинок, кое-где оплетены виноградной лозой. На подоконниках стояли глиняные горшки с яркими цветками.

Дорога была вымощена старой брусчаткой. Между камней пробивался мох, отчего улица выглядела живой. Кое-где у домов росли оливы с серебряными листьями.

Несмотря на раннее утро, жизнь уже кипела. Мелькали лица в распахнутых ставнях, из лавочек тянулись ароматы свежего хлеба, выпечки и кофе.

Марфа бодро шагала, то и дело оборачиваясь, чтобы убедиться, что я не отстаю. Она указывала мне то влево, то вправо.

– Вон там, в центре деревни, дом старосты, – сказала она, вытянув руку вперед. – С него и начни. Представься, скажи, что ты вернулась. Пусть все знают, что у поместья снова есть хозяйка.

Я кивнула. Марфа продолжала сыпать советами.

– Ну и про деньги не забудь спросить, раз уж ты задумала.

Староста разберется, у него артефакт для таких дел. Там же, около площади, куча лавочек. Можно купить все: от домашнего творога до мяса и фруктов. Но если надумаешь – сама не таскай! – Старушка пробежала осуждающим взглядом по моей худой фигуре. – Вели, чтобы мальчишки-доставщики все тебе к поместью притянули. Они шустрые, да и стоит это всего медяшку.

Мы свернули на узкую улочку, Марфа ткнула пальцем в дом с резными ставнями и аккуратным крыльцом:

– Тут плотник живет. Мужик толковый, руки золотые. Хочешь мебель под заказ – тебе к нему. Правда, если готовое удумала, это лучше в соседний город езжать. Там лавки с готовыми гарнитурами. Но я бы советовала здесь. Все ж дешевле и надежнее.

Мы снова свернули.

– Вот и пекарня, где я подрабатываю, – улыбнулась Марфа, останавливаясь возле лавочки с широким навесом.

Из приоткрытой двери тянуло таким ароматом хлеба и сдобы, что у меня предательски заурчал живот. Все же я была без завтрака.

– Я долго не задержусь. Часа два-три, не больше. Приберусь, выпечку разложу и вернусь в поместье.

Марфа неожиданно крепко меня обняла, прижимая к себе, словно прощалась не на несколько часов, а на долгую разлуку.

– Ну, удачи тебе, девочка! Осваивайся! Помни, что я ря-

дом, если что. – Сказала она с какой-то материнской теплотой и тут же зашуршала юбкой, скрываясь за массивной деревянной дверью.

Я осталась одна на мощеной улочке. Еще раз вдохнула запахи хлеба и по совету Марфы направилась к центру, искать дом старосты.

До центральной площади я добралась без труда, и скоро уже стояла у нужного дома: одноэтажного каменного здания с вазоном пышных цветов на крыльце.

Дверь мне открыл сам хозяин. Староста оказался пожилым седовласым мужчиной с глубокими морщинами и печально-добрым взглядом.

– Ну надо же, сама хозяйка поместья ко мне пожаловала! – Обрадовался он, когда я представилась. – И правильно! И хорошо, что вернулась! Дом давно соскучился по хозяйской руке.

Староста впустил меня внутри, и не откладывая дела в долгий ящик, достал артефакт. Это был крупный кристалл, сияющий мягким голубоватым светом.

– Клади руку, – велел старик.

Вот тут я слегка стушевалась, – а вдруг кристалл поймет, что я не Юлания, – но отступать было поздно, и я послушалась. В кристалле побежали огоньки, и староста, вглядываясь в них, негромко огласил сумму.

Я облегченно выдохнула, торопливо убирая пальцы. Благодаря рассказам Марфы, я уже успела немного узнать цены

на продукты и простую утварь, и озвученной суммы вполне хватило бы нам с Марфой на пару-тройку лет скромной жизни.

Если бы не несколько «но».

Во-первых, сразу же пришлось отдать половину на погашение долга за электричество. Жить при свечах было, конечно, романтично, но не практично.

А во-вторых, оставшаяся сумма большей частью уйдет на мебель. Мысли о собственной уютной спальне не давали покоя.

Так что по итогу, денег у меня останется не так уж и много...

Прощавшись со старостой и взяв у него часть суммы звонкой монетой для повседневных трат, я направилась к плотнику.

Мастерская, что расположилась во дворе его дома, пахла свежей стружкой и смолой. Хмурый, широкоплечий мужчина с руками, словно столетние ветви дуба, выслушал мои пожелания, кивнул и пообещал зайти вечером для замеров.

После плотника я вновь вернулась на центральную площадь, где жизнь уже кипела на всю. Лавочки, наполненные ароматами хлеба, сыра, копченостей, так и манили задержаться у каждой.

Я не удержалась и зашла в небольшую уютную таверну, спрятанную в тени старого каштана. Заказала себе чашку горячего травяного чая и свежий круассан, пахнущий маслом

и хрустящей корочкой.

Добродушная продавщица и люди за соседними столиками не стесняясь спрашивали, кто я такая и откуда взялась. Я не стала юлить, и всем отвечала, что хозяйка поместья, и вернулась сюда жить.

К моему удивлению, в глазах людей мелькала радость, будто возвращение хозяйки было добрым знаком.

После чаепития я отправилась за продуктами. Набрала всего основательно: от свежей зелени и душистых овощей до мяса и птицы. Когда количество покупок стало угрожающе расти, я воспользовалась советом Марфы и наняла лохматого мальчишку-доставщика, который обещал отнести сумки в поместье в целости и сохранности.

Я уже собиралась домой, когда, не удержавшись, остановилась у лавки с готовой одеждой. Долго выбирать не стала, купила себе два платья.

Одно совсем неброское – льняное, похожее на то, что носила Марфа. В нем буду хозяйничать в огороде, да намыывать полы в новом доме.

Другое было чуть более нарядным, но все же скромное: легкое, хлопковое, в мелкий цветочек, с деликатным вырезом. Оно не кричало о роскоши, как платья Юлании, но было в нем что-то трогательно-женственное.

В приподнятом настроении я возвращалась в поместье, надеясь, что Марфа уже закончила свой короткий рабочий день, и сейчас мы на пару займемся продуктами и обедом.

Но Марфы в поместье не оказалось.

Зато прямо у порога вертелся высокий, статный мужчина со светлыми, аккуратно зачесанными назад, волосами. Его правильные черты лица были идеальны, словно высечены скульптором, фигура подтянута. Красивый... Я бы назвала его красивым, если бы не брезгливое выражение лица, с которым он осматривал мой заросший двор.

Его руки коснулось растение, и он отдернул ее, скривившись, словно это была грязь, а то и что похуже...

Но заметив меня, выражение сменилось с брезгливого на... хищное. Как назло, налетел порыв ветра, раскрывая подол платья и обнажая бедро.

В глазах незнакомца мелькнул сальный блеск. Он шагнул вперед, распахивая руки.

– Юлания...

На секунду я замялась. Кто это? Насколько близко мы знакомы?

Но следующая фраза незнакомца позволила облегченно выдохнуть:

– Ты, должно быть, меня не помнишь. Я барон Лансель фон Крейден, сын ныне покойного Теодора. Мы виделись как-то в детстве.

Руки он опустил, заметив, что я не горю желанием бросаться в его объятия.

– Чем обязана визитом? – Мой голос прозвучал суше, чем

планировала.

Что-то отталкивающее было в этом Ланселе, несмотря на смазливую мордашку и дорогой, явно пошитый на заказ, костюм.

– Ну как же! Наконец, в этом захолустье появился кто-то достойный моего общества. Да и ты явно не с местной челядью собралась общаться.

Стало обидно за жителей деревеньки, которые показались мне дружелюбными и общительными. Да уж лучше с ними, чем с этим. Я снова перевела взгляд на его брезгливое лицо, которое сейчас старательно изображало дружелюбие.

– И что же, ты пришел предложить мне свое общество? – насмешливо уточнила я.

Барон смутился.

– Нет, не только... На самом деле я по делу пришел.

Так и думала.

– Выкладывай, чего хочешь.

– Не пригласишь? – Лансель махнул на входную дверь.

– Сожалею, но нет. У меня там... не прибрано, – ответила я и отчасти это было правдой.

Я совершенно не представляла, как приглашу барона в опустевшее поместье, где его брезгливый взгляд будет шарить по углам, выискивая каждую соринку.

Да и куда его вести? На кухню? Едва ли барон когда-то добровольно переступал порог таких помещений. А залы для приемов сейчас зияли пустотой.

Барон довольно хмыкнул, словно мой отказ его не расстроил, напротив, подтвердил какую-то догадку.

– Я все про тебя знаю, Юлания.

Лансель вдруг сделал шаг ко мне, а я настороженно замерла, стараясь сохранять хладнокровие.

– О чем это ты?

– О том, что месяц назад ты выскочила за дракона... Но раз ты снова здесь, – он красноречиво обвел глазами двор, – то брак не сложился, и новых вариантов для замужества у тебя нет. Так же, как и денег. Иначе, ты бы не вернулась сюда.

Хотелось рассмеяться на такие выводы, но я лишь выжидательно приподняла бровь, пытаюсь понять, к чему он клонит.

– Так вот, – продолжил барон. – У меня, напротив, после смерти отца дела пошли в гору. Я лично взялся за семейное дело. Выкупил еще одну плантацию олив, теперь мы производим оливковое масло в двойном объеме. Недавно я еще решил заняться производством мыла на основе масел: натурального, высокого качества. Аристократы готовы платить за такое хорошие деньги.

Он довольно потер руки, словно мысленно подчитывал свою немалую прибыль.

– В общем, дом, где я живу, стал достаточно скромн для моего статуса и состояния. И я решил, что твое поместье будет для меня в самый раз. Конечно, нужно его восстано- вить... Ну и заняться территорией...

Он снова прошелся взглядом по двору, в этот раз по-деловому, и продолжил:

– Сначала все подчистую выкорчевать: бурьян, старый сад. Ни к чему эти заросли. А потом выложу все брусчаткой, поставлю каменную жаровню. Вокруг чугунные скамьи с коваными спинками. И фонтан. Да, определенно нужен фонтан. Может, даже два.

Чем больше он говорил, тем сильнее внутри меня закипала злость. Барон рассуждал с таким видом, словно поместье уже принадлежало ему. Делился со мной планами.

И в чем-то он был прав: мой брак оказался неудачным и денег на полную реставрацию поместья у меня не было. Но это совершенно не значило, что я собираюсь продать его первому встречному.

Это место я уже ощущала, как свой дом. И идей по его восстановлению, у меня было не меньше, чем у Лансея. И в них точно не входила вырубка прекрасного сада.

– Так вот, мое предложение: десять тысяч золотых. – Барон одарил меня самоуверенной улыбкой.

– Я не продаю поместье.

– Да брось, Юлания. Зачем тебе это бремя? Содержать такое поместье – дело дорогое и хлопотное. А у тебя нет ни сил, ни денег. Соглашайся. На вырученные деньги купишь себе квартиру в столице. Уютную, светлую, с видом на площадь. Живи спокойно, без забот.

– Спасибо за заботу, – холодно ответила я. – Но уезжать

я отсюда не собираюсь. Это мое поместье.

– Ты не понимаешь, – Лансель нахмурился. – Я предлагаю тебе щедрую цену.

– И все же – нет. – Я выдержала его взгляд. – Поместье не продается.

Барон прищурился. Его губы дрогнули в усмешке.

– Ладно. Пятнадцать тысяч. Подобного предложения ты не получишь больше никогда.

– Я и не ищу предложений. – Твердо отрезала я. – Мое решение не изменится.

На миг лицо Ланселя стало каменным. Улыбка исчезла.

– Думаешь, сможешь упрямитесь? Ты – никто. Нищенка, которую выкинул крылатый. Крыша в твоём поместье обвалилась, двор зарос. Плодишь тут крыс. Может, мне стоит в комитет по благоустройству написать?

С каждым новым словом внутри росла злость, а вместе с ней – странное тепло. словно в груди разгорался огонек. Казалось, еще чуть-чуть и он вспыхнет, вырываясь наружу. И тогда...

Что будет тогда я не знала, но чувствовала, что не случится ничего хорошего. Нужно взять себя в руки и успокоиться.

– Пусть устроят тебе проверку. Выпишут штраф. – Зло отчеканил Лансель.

Тут я заметила, как сзади к барону крадется Габи. Что он задумал? Котокрыл, пригибаясь, подбирался все ближе и ближе.

И в следующий миг он прыгнул.

Барон взвизгнул так пронзительно, что я невольно зажала рот рукой, чтобы не расхохотаться. Взвизг был уж слишком похож на женский.

Лансель вскинул руки, закрутился на месте, испуганно озираясь, словно ожидал нападения целой армии.

А Габи уже и след простыл. Одним легким взмахом крыльев он взмыл вверх и спрятался в густой листве старого дуба. Среди зеленых ветвей его не было видно. Только едва заметное подрагивание листьев могло выдать его присутствие.

– Ч-что это было? – визжал барон, хлопая себя по камзолу.

– Не знаю, – я невинно пожала плечами. – Наверное, крысы, о которых ты только что говорил.

Лансель зло прищурился, поняв, что я издеваюсь над ним. Огонь в моей груди, тем временем, утих, словно нелепость ситуации потушила его.

– Так и знай, я приведу сюда комиссию! – процедил барон. – Они обяжут тебя продать поместье за бесценок, как нерадивую хозяйку.

Лансель зло сплюнул и поспешил к выходу, едва не сбив с ног мальчишку-доставщика, который тащил мои сумки с продуктами.

Я же с трудом сдерживала смех. Ветви дуба тихонько зашуршали, это Габи, довольно сверкая глазами, следил за уходящей фигурой барона.

Я заканчивала раскладывать продукты на кухне, когда вернулась Марфа. Я в красках пересказала ей историю с бароном. Старушка выслушала ее с хмурым видом, покачивая головой.

– Ох, Юлания... – тяжело вздохнула она. – Ты только приехала, а уже врага себе нажила. Нехорошее это дело.

– А что он и правда может какую-то комиссию привести? – спросила я, не веря в серьезность угрозы.

– Может, – Марфа бросила на меня краткий взгляд, будто удивляясь моей неосведомленности. – Если хозяин запустил свою собственность, его могут обязать ее продать. Отнять, конечно, никто не отнимет, но и цена будет... скромной.

– И как они поймут, что я плохо слежу за помещьем?

Марфа грустно взмахнула рукой, словно указывая сразу на все вокруг.

– Паутина под потолком, двор зарос, окна выбиты, крыша провалилась. Какие еще нужны доказательства?

– Но я только вернулась!

– Их это волновать не будет. – Марфа с досадой махнула рукой. – К тому же барон – человек властный. В последнее время он и, правда, очень разбогател. Может и на руку кому дать, чтобы решение комиссии его устроило.

Я тяжело вздохнула, чувствуя, как внутри поднимается

тревога. Но вместе с ней рождалась и решимость.

– Ладно, значит, надо заняться помещьем. Пора за дело.

Марфа осталась хлопотать на кухне с обедом, а я переоделась в простенькое платье и с воодушевлением взялась за уборку.

Первым делом вооружилась старой косой, найденной в небольшом сарае на заднем дворе, и взялась за траву возле крыльца. Здесь бурьян рос особенно густо, словно дразня.

Несколько взмахов и сухие стебли падали к ногам, но вскоре я почувствовала, как непривычные к труду мышцы рук и плеч начали ныть. Коса становилась все тяжелее. Пот струился по вискам и спине.

Обкосив небольшой пятачок, я решила заняться другим делом.

Теперь в ход пошли ведро, швабра и тряпка. Я мыла, скребла, терла, – сперва крыльцо, затем центральный холл. Паркет под ногами возвращал себе первоначальный цвет. Но работа продвигалась медленно. Часы тянулись, а я все еще возилась с углами.

Некоторые вещи оказались мне и вовсе не подвластны. Стоило поднять взгляд вверх, и в глаза бросались целые грозди паутины на белоснежной лепнине. Они тянулись мрачными, серыми гирляндами. Но достать их было невозможно: лестницы в хозяйстве почему-то не нашлось, а подручные табуретки выглядели слишком шаткими, чтобы рискнуть.

Я вытерла пот тыльной стороной ладони и тяжело вздохнула. Да, работы предстояло море.

Вскоре Марфа позвала к столу, мы пообедали похлебкой, которая показалась настоящим пиром после активной физической работы.

Отдохнув, я снова засучила рукава. В этот раз ко мне присоединилась и Марфа. Вместе мы принялись за окна на первом этаже: я мыла, она – вытирала насухо.

Стекла поскрипывали под тряпкой, и вскоре первые солнечные лучи, пробившиеся сквозь чистые окна, озорно заиграли на полу.

К вечеру я едва держалась на ногах: руки дрожали от усталости, плечи ныли так, будто я целый день таскала каменные плиты. Но в душе теплилась тихая гордость. Ведь каждый очищенный метр возвращал поместье к жизни.

Дело двигалось, пусть и медленно.

Когда солнце уже клонилось к закату, к нам забежал плотник, чтобы снять со спальни замеры. Сразу после его ухода, я легла спать, так и не дождавшись ужина. Я слишком устала.

На следующее утро я проснулась с первыми лучами солнца и сразу задрала сорочку, чтобы проверить: не появилось ли на теле новых надписей.

Сердце гулко ударило, пока я рассматривала себя со всех сторон. Но нет, все оставалось по-прежнему. Лишь одинокая строка вязи пробегала чуть выше пупка.

Я удовлетворенно выдохнула. Может, больше ничего и не

появится? Может, это просто... отметка. Знак о том, что в этом теле живет новая душа.

Жаль, спросить об этом было не у кого. В груди жила твердая уверенность: ничего нормального в этой надписи нет, и расспросы принесут только лишние проблемы.

Марфа уже ушла на работу, и в поместье было тихо. Я наскоро сделала себе бутерброд с сыром и отправилась на улицу.

Взяв в руки тяжелую косу, я, кряхтя и морщась, снова вступила в бой с бурьяном, стараясь прокосить дорожку до ворот.

Работа шла медленно, трава сопротивлялась, коса выскальзывала, а руки ныли. Но отступать я не собиралась.

У ворот я увидела барона. Он прогуливался вдоль моего забора, заложив руки за спину и с усмешкой наблюдая за моими стараниями.

Даже издали было заметно злорадство в его глазах. Я почти слышала, как он мысленно торжествует: «А-ну ка посмотрим, как ты одна справишься с таким хозяйством».

А вдруг и правда не справлюсь? Лишних денег, чтобы нанять людей, не было. Я уже не говорю про ремонт окон и крыши.

От этой мысли во мне вскипала злость, а взгляд упал на кольцо связи, оставленное драконом. Может, связаться с Танредом? Он же мой муж. Пока еще...

На миг я почти поддалась соблазну. Позвать его, попро-

сидеть помощи или хотя бы совета. Да даже просто услышать его голос. От этой мысли по телу побежали приятные мурашки.

– И не думай! – сказала я сама себе вслух. – Справлюсь без этого изменщика.

Я с новым рвением ухватила за косу.

Когда дорожка до ворот была выкошена, я вернулась в поместье и взялась за тряпку. Надо же как-то разнообразить свой день!

Я снова принялась за уборку комнат на первом этаже. Пусть они и стояли пустыми, но мне хотелось, чтобы в них чувствовался не затхлый дух запустения, а чистота и свежесть.

Вскоре ко мне присоединился Габи. Сперва я обрадовалась его компании, все же не одной тряпкой махать. Но очень быстро поняла, что его присутствие скорее мешало, чем помогало.

Стоило мне опустить швабру на пол, как котокрыл с азартным блеском в глазах прыгал на нее, решив, что это новая забава.

Габи то путался под ногами, то взлетал под потолок, радостно виляя хвостом, и тут же стремительно пикировал, чтобы вцепиться в тряпку.

Он даже умудрился опрокинуть ведро с водой, и я стояла с мокрым подолом, недовольно сверкая глазами.

– Габи! Ну, это невозможно! – сердито выдохнула я.

Котокрыл виновато пискнул и исчез за дверью. Я с подозрением покосилась в сторону коридора. Неужели обиделся?

Но через минуту Габи вернулся, гордо волоча в зубах сухую половую тряпку. Положил ее в центр лужи с видом великого помощника.

– О, ну, это, конечно, меняет дело, – я не выдержала и рассмеялась. – Похоже, у нас с тобой намечается длинный день.

Габи довольно мяукнул.

Я в десятый раз выжимала тряпку, с досадой оглядывая мокрые разводы на полу. Руки гудели от усталости, плечи ныли, а это было только начало дня.

А Габи казалось, что происходящее – лучшая игра на свете. Он снова прыгнул на швабру и опрокинул ее вместе с ведром, и вся вода, которую я успела собрать, вновь разлилась на полу.

Злость и усталость переплелись, спутавшись в груди тугим комком. К ним добавилось странное тепло, похожее на то, что я чувствовала, когда говорила с бароном.

– Габи! – раздраженно выкрикнула я. – Ну не добавляй мне работы! Ее и так выше крыши!

Котокрыл виновато присел на лапки, соорудил грустную мордочку, но хвостом продолжал подергивать, явно готовясь вновь рвануть к швабре. Я выдохнула и, стиснув зубы, почти умоляюще продолжила:

– Для тебя это все игра, понимаю. Но это мой труд. Нелег-

кий труд. Мне бы тоже хотелось развлекаться, пока швабра делает все сама.

Я даже махнула рукой в ее сторону.

И тут... швабра дрогнула. Сначала ручка скрипнула, а затем она сама собой встала вертикально.

Я замерла, широко распахнув глаза. Тепло из груди странной волной растеклось по телу. Швабра тем временем уверенно заскользила по полу, размазывая лужу.

– Что... происходит? – прошептала я, пятясь к выходу.

Габи одобрительно посмотрел на меня, словно говоря: «Вот видишь, все, как ты и хотела. А мы можем поиграть!» Он весело подпрыгнул и, прокатившись пузом по луже, кинулся наперерез швабре. Та, как ни в чем не бывало, продолжала свою работу, сметая довольного котокрыла в сторону.

Правда, от такой «работы» бардака становилось еще больше, швабра распахивала грязную воду в разные стороны и уже приближалась к куче пыли, которую я собрала в самом начале.

– Нет-нет-нет, только не туда! – вскрикнула я в последний момент. – Стой!

И – о, чудо! – швабра замерла и звонко плюхнулась на пол. Габи осуждающе на меня посмотрел. «Ну вот, все веселие испортила!»

– Что это сейчас было? – пробормотала я.

Хотя ясно что. Магия. Самая настоящая магия! Но откуда

она у меня?

Внезапно вспомнилось письмо, которое я нашла в шка-
тулке с драгоценностями. Юлания планировала сделать что-
то опасное, чтобы у нее появилась магия. И похоже... она
справилась.

В душе шевельнулась неясная тревога, но ее тут же заглу-
шил почти детский восторг. Я – магичка!

И конечно же сразу захотелось проверить границы своих
возможностей. Экспериментировать я решила все с той же
шваброй.

Я отдавала приказы, а она безоговорочно слушалась, слов-
но солдат своего генерала. По команде она подпрыгивала,
падала, кружила на месте и даже... подлетала в воздух.

Очень быстро я заметила: чем точнее я формулировала
приказы, тем лучше они исполнялись. Стоило выразиться
размыто – результат получался хаотичным.

Надо ли говорить, что Габи был вне себя от восторга. Он,
радостно помявкивая, взлетал следом за шваброй, кружился
вместе с ней по комнате, а в какой-то момент и вовсе ухва-
тился лапками за деревянную ручку и крутился, словно на
карусели.

Уже через час на всех этажах поместья кипела настоящая
генеральная уборка.

Швабры с особой старательностью скользили по полу.
Тряпки, оставляя влажные дорожки, спешили следом. Щет-
ки усердно натирали паркет. Веники и губки ловко взбира-

лись в углы и под потолочные балки, осторожно сметая паутину и вытаскивая на свет божий старую пыль, выующуюся серыми облаками.

А среди всего этого хаоса – я. Бегала из комнаты в комнату, словно дирижер на репетиции огромного оркестра, отдавая приказы и направляя своих оживших помощников.

– Вот тут еще раз протри, – велела я тряпке. – А вы, швабра и совок, аккуратно соберите всю пыль в мешок. И не разбрасывайте по углам!

И, словно музыканты, ловящие каждый взмах палочки, они слушались.

Довольно быстро я поняла: у магии тоже есть свои границы. Сколько я не старалась, разбитые стекла не желали становиться целыми. Крыша с проваленными балками тоже упорно игнорировала мои приказы.

Что ж, с этим придется разбираться по старинке: руками мастеров.

Больше всего возни оказалось с плесенью, что заполонила третий этаж. Все старания моих помощниц – тряпочки и грубой щетки – не смогли ее одолеть. Сколько ни терли, плесень словно в насмешку, только темнела.

В конце концов, я не выдержала. Подошла к стене и громко приказала:

– Исчезни!

И тут черные разводы нехотя зашевелились, потянулись в воздух, превращаясь в клубящийся дым. Он потянулся вверх

и тут же растворился.

Через мгновение от плесени не осталось и следа. Даже появился тонкий аромат свежести.

Моя радость длилась недолго. Внутри что-то щелкнуло: сильное головокружение накрыло меня с головой. Мир закружился, стены поплыли, а в груди неприятно сжалось. К горлу подкатило тошнотворное ощущение. Я прижалась спиной к прохладной стене и медленно сползла вниз, оседая на пол.

Словно сквозь мутную пелену, я увидела, как мои помощники застыли, будто потеряли силы, и один за другим повалились. Швабра с глухим стуком рухнула набок, тряпки и щетки безвольно осыпались.

Только что кипящее работой поместье, вдруг погрузилось в гнетущую тишину. Это было последнее, о чем я успела подумать перед тем, как потерять сознание.

Очнулась я от легкого щекочущего ощущения на руке, Габби жалобно вылизывал мои пальцы шершавым язычком. Постанывая, я с трудом приподнялась и села. Было ощущение, словно я пробежала бесконечный марафон и рухнула обессиленная.

Я сразу догадалась, что со мной произошло. Магическое истощение. Не стоило тратить столько энергии сразу, особенно без опыта. Победа над плесенью оказалась последним рывком, и тело не выдержало.

Габи радостно взвизгнул, заметив, что я пришла в себя, и тут же, не теряя ни секунды, вцепился зубами в подол юбки и потянул.

— Габи, пожалуйста, не надо... Дай хоть немного посидеть, отдышаться. — Я попыталась отмахнуться. Куда там. Упрямый котокрыл не сдавался.

Поняв, что спорить бесполезно, я поднялась и, придерживаясь рукой за стену, побрела за Габи. Лишь бы не свалиться вновь от слабости!

Котокрыл привел меня к роднику. Там он, наконец, отпустил мой подол и, важно встряхнув ушами, уселся рядом с источником.

— Ты предлагаешь мне отсюда выпить? — спросила я, хоть и так все было ясно.

Я наклонилась, зачерпнула ладонями холодной воды и сделала глоток. В тот же миг тело наполнилось легкостью и силой: головная боль отступила, руки перестали подрагивать, по венам словно пробежала живая энергия.

Я блаженно зажмурилась, ощущая, как истощение отступает.

Теперь я снова была готова свернуть горы, взяться не только за дом, но и за весь двор разом.

Я задумчиво уставилась на родник. Что ж, многое стало понятным. Значит, именно он наделил меня магией.

Если верить словам Марфы, родник появился в ту самую ночь, когда Юлания провела ритуал. Темный, рискованный,

опасный. Каким-то образом девушка сумела создать источник, что дарует магию.

Цена оказалась чудовищной – ее собственная жизнь. Я опустила пальцы в ледяной поток. Интересно, стоит ли ждать других последствий?

Несмотря на то что я снова была бодра и полна сил, я решила больше не пользоваться магией в этот день. Урок я усвоила: магия требует меры. Продолжу завтра.

Раз уж я оказалась в саду, решила не терять времени и пройтись по тропинкам, размышляя, что смогу сделать. Теперь уже не только руками, но и с помощью дара.

Я медленно двигалась по заросшим тропинкам, прикидывая, какие старые деревья придется спилить, чтобы не мешали свету, а какие, наоборот, высадить – чтобы давали тень в нужном месте. Например, возле беседки.

Довольный Габи следовал за мной, перелетая с ветки на ветку и пугая местных птиц. Те, кажется, были в ужасе. Мало того что в поместье кот завелся, так еще и крылатый.

Правда, Габи считал выше своего достоинства обращать внимание на птиц.

Не спеша, погруженная в собственные мысли, я дошла до плодородного сада. Тут среди хаотично разросшихся груш и яблонь, царила особенная атмосфера.

Вдоволь прогулявшись среди них, я вышла к ровным рядам разлапистых деревьев. И только по крупным ягодам, похожим на ежевику, догадалась, что это тутовник.

В моем родном крае таких не росло, но мне вспомнились кадры из недавнего документального фильма. И тут же в голове всплыла красивая легенда, связанная с тутовым деревом.

В легенде говорилось о прекрасной китайской императрице, которая отдыхала в саду, сидя под ветвями тутовника и попивая чай. Внезапно в ее чашку упал белый кокон шелкопряда. Горячая вода размягчила нити, и кокон медленно начал распускаться, превращаясь в длинную, блестящую пряжу.

Так, Китай впервые узнал о шелке, и на долгие года удерживал тайну его производства, сделав из него предмет роскоши, сравнимый с золотом.

Сердце забилося быстрее. Что, если это мой шанс? Есть ли в этом мире шелк? Я постаралась вспомнить, было ли хоть одно из платьев Юлании сшито из этой ткани. Кажется, нет. Хотя это еще ничего не значило.

Я двинулась глубже в тутовые ряды в надежде наткнуться на коконы. Листва шелестела над головой, пряча в тени свои сокровища. И вскоре я увидела их. Кокон.

Они цеплялись к ветвям так искусно, что казалось будто сами деревья плодоносили этими белоснежными плодами. Овальные, гладкие, величиной чуть больше фаланги пальца. Они поблескивали матовым светом.

На нижних ветках коконы висели по одному – редкие находки. Но стоило поднять взгляд повыше, как я ахнула: це-

лые гроздья тянулись вдоль ветвей.

Я осторожно коснулась ближайшего кокона. Он оказался теплым и удивительно крепким на ощупь. Словно это была не хрупкая оболочка, а камень. Но я знала: внутри крошечное существо ждет своего превращения в бабочку. А сама оболочка – это нить, такая тонкая, что и не заметишь, но если потянешь, то длина будет в сотни метров.

Теперь осталось выяснить: раскрыл ли кто-то секрет коконов в этом мире.

Марфу я застала за хлопотами на кухне. От печи тянуло теплом, а на столе уже стояли две глиняные миски.

– Юлания, что за чудо случилось с помещьем? – от внимательных глаз старушки не ускользнула внезапная чистота.

Я выдохнула и решила не юлить. Марфа была моим другом, и скрывать от нее подобное не имело смысла.

– У меня проснулась магия, – призналась я.

– Магия? – брови Марфы взметнулись вверх. – Не знала, что она в таком возрасте просыпается. Да и в роду твоём магов не было, насколько я знаю. – Она покачала головой. – Хотя я в этом мало что смыслю. В любом случае это здорово, деточка! Видишь, как возвращение в родные стены подействовало на тебя.

– Да, и я так думаю, – кивнула я, хотя сердце еще ныло легкой тревогой. Ведь я знала, что магия проснулась в результате какого-то сомнительного ритуала.

– Ну, садись, – Марфа махнула рукой, будто отгоняя все мои сомнения. – Пообедаем вместе.

За едой я решила поднять разговор о шелкопрядах.

– Марфа, а что ты знаешь о коконах на тутовнике?

Старушка удивленно нахмурилась.

– Да что о них знать? Это черви проклятые их оплели. Сначала листья жрали, а теперь вон коконы навешали. И жди

беды – скоро бабочками разлетятся.

– А ты слышала, чтобы коконы использовали в качестве нити? Или что-то о шелке?

Марфа покачала головой.

– Нет, никогда такого не слыхивала.

Я прикусила губу. Конечно, ее ответ ничего не доказывал. Марфа – простая старушка, всю жизнь проходившая в грубых льняных платьях. И то, что она не знает о шелке, не означало, что в этом мире его нет.

Марфа что-то еще рассказывала, о том, что тутовник раньше стригли невысокими кустиками, так что получались целые зеленые аллеи и тенистые дорожки. Но то было давно. Заброшенные кусты быстро вытянулись в настоящие деревья, а потом на них и завелись «проклятые черви».

После обеда я решила прогуляться до деревеньки. Я осторожно пораспрашивала про шелк у местных торговцев. Но люди лишь удивленно поднимали на меня глаза, да пожимали плечами.

– Никогда такого не слыхали, – отвечали они.

Чем больше я слышала таких ответов, тем сильнее внутри разгорался огонек. Вот оно! Настоящая возможность.

Если никто не знает про эту ткань, значит, я могу стать первой, кто ее создаст. Легкую, струящуюся, блестящую.

Планы уже роились в голове, когда я вспомнила, зачем еще пришла в деревню.

Заказала еды, – пусть будет про запас, – купила лестницу

– как без нее в хозяйстве? – да пару ведер черной краски и попросила мальчишку-доставщика принести все это в поместье.

Напоследок выпив ароматного чая с румяной булочкой, я вернулась домой. Там я решила не сидеть без дела.

Пусть я еще не знала точно, существует ли в этом мире шелк, – все же жители маленькой деревушки могли быть не в курсе, – сбор коконов показался мне делом разумным.

Даже если где-то такие нити использовались, от моих запасов хуже не станет.

Материала вокруг было предостаточно: ветви гнулись под тяжестью белых коконов.

Но тут же в голове встала непростая дилемма. Из документального видео я помнила, что коконы бросают в горячую воду, убивая гусениц внутри.

Мысль об этом вызывала во мне отвращение. Они ведь живые. Крохотные труженики, которые старательно прядут свое жилье. Мне не хотелось становиться их палачом.

Я задумалась. Гусеницы ведь продолжают плести, пока не превращаются в бабочек. Значит, нить в коконе лишь крепнет и нарастает. Но если ждать слишком долго, они прогрызут себе выход, и нить пропадет.

Тогда в голову пришла мысль – использовать магию. Я дождусь момента, когда кокон будет готов, но гусеница еще не успеет выбраться, и аккуратно, перенесу ее изнутри наружу. Так и кокон останется целым, и жизнь маленького шелко-

пряда будет спасена.

С этой мыслью я принесла из кладовой несколько больших корзин и осторожно принялась собирать коконы. Сначала те, что висели на уровне глаз и те, до которых можно дотянулся рукой.

Каждый кокон приятно шуршал, когда я опускала его в корзину.

Набрав полную, я отнесла ее в поместье и, выбрав просторную комнату, постелила широкое полотно и начала выкладывать свой улов.

Белоснежные овалы ложились рядами. Словно маленькие жемчужины, собранные в длинные гирлянды. Кокон было так много, что вскоре ткань покрылась мягким, переливающимся ковром.

Казалось, я смотрю не на гусеничные домики, а на драгоценное сокровище, обещающее богатство и новые возможности.

День за хлопотами пролетел незаметно, я даже не заметила, как солнце начало опускаться за горизонт. Уставшая, я поднялась к себе, и тут меня ждало настоящее потрясение.

Скинув платье, я замерла. Та самая строчка на животе, с которой я почти смирилась, перестала быть единственной. Теперь мое тело было исписано вязью. Ровные строки покрывали меня, словно я живой лист пергамента.

Они шли по рукам, оплетая кожу до самых запястий, спускались на ноги, поднимались по спине и грудной клетке.

На животе их было особенно много, будто чья-то невидимая рука никак не могла остановиться.

– Что со мной, Габи? – прошептала я и дрожащими пальцами провела по узорам.

Котокрыл, который усердно вылизывался у меня на кровати, отвлекся от своего важного занятия. Его глаза сверкнули зеленым.

– Мяу, – равнодушно протянул он, вновь возвращаясь к своему делу.

– Легко тебе говорить, – недовольно пробормотала я. – А я бы не была так уверена, что все это ерунда.

Ясно одно – эта вязь связана с ритуалом и с внезапно появившейся магией. Но что они значат? Чего мне ждать дальше? Вдруг и мое лицо покроется этими надписями?

Может, стоит прекратить использовать магию?

Мысль была разумной. И все же я колебалась.

Перестать использовать дар было жаль. Слишком жаль. Я уже успела ощутить, насколько магия облегчает жизнь. Сколько планов, связанных с ней, успела построить.

И все же страх и сомнения во мне оказались сильнее. Решено: никакой магии, пока я не выясню, что значат эти строки.

Но ложась спать, я и не знала, что мое решение не продержится и нескольких часов.

Ночью меня разбудил Габи, он надрывно мяукал, стаскивая одеяло.

– Габи, ну что еще? Сейчас не время для игр. – Просто-нала я, переворачиваясь на другой бок.

Краем глаза успеваю отметить, что за окном стоит густая, непроглядная тьма, и единственное, чего мне хотелось, – это снова провалиться в сон.

Но котокрыл не сдавался. Он то запрыгивал на кровать, то спрыгивал вниз, вновь тянул одеяло, бил крыльям и издавал отчаянные звуки.

– Да в чем дело? – в конце концов, не выдержав его напора, я села. Зевнула и прислушалась.

В доме тишина. Ни шороха, ни подозрительных звуков. Все казалось спокойным. Но что-то все же было не так...

Не до конца проснувшийся разум не сразу вычислил, что же это...

Запах. Наконец, я осознала, из-за чего спина покрылась тревожным липким потом. Втянула воздух полной грудью и замерла. Пахло дымом.

– У нас... что, пожар? – испуганно прошептала я.

– Мяу!! – громко ответил Габи, довольный тем, что я поняла его тревогу. Он уже нетерпеливо летал возле двери, явно призывая меня действовать быстрее.

Я подскочила с кровати и, не думая ни о тапочках, ни о халате. Босиком, в одной ночной сорочке бросилась за котокрылом.

Поместье погрузилось в темноту, лишь местами сквозь

распахнутые двери в коридор просачивался холодный лунный свет.

Несмотря на то, что я заплатила за электричество, его еще не подключили. И теперь помощь Габи оказалась по-настоящему бесценной. Я не металась в темноте по дому, в поисках пожара, а просто доверилась ему и бежала следом.

К моему удивлению, Габи вывел меня на улицу. И там передо мной предстала страшная картина.

Сбоку поместья вверх поднимались языки огня. Каменные стены держались, но горел плющ, оплетающий угол.

Пламя охватило зеленые плети, словно это были сухие дрова. На первом этаже уже вспыхнули деревянные оконные рамы, раздался треск лопнувшего стекла. Огонь уже почти добрался до второго этажа, забираясь все выше. Густой черный дым застилал двор.

У меня перехватило дыхание. Поджог. Сомнений, что это дело рук барона, не было.

Он, конечно, не дурак и прекрасно понимал: каменное поместье от огня не рухнет, стены выстоят. Но это ему и не нужно. Ему достаточно копоти, сгоревших рам и едкого запаха гари. Если комиссия действительно явится с проверкой, все это сыграет ему на руку. Впечатление от поместья, которое и без того не блестящее, станет окончательно гнетущим.

Эти мысли за секунду пронеслись в голове. И я быстро откинула их в сторону. Сейчас было не время об этом думать, нужно было понять, как потушить огонь.

Я растерянно осмотрелась по сторонам. Никаких толковых идей не приходило. Сердце стучало в висках, дыхание сбивалось. Дым резал глаза. Габи взволнованно прыгал у моих ног, нервно размахивая крыльями и то и дело бросая тревожные взгляды на бушующий огонь.

Способ потушить пожар был только один. Магия.

– Ладно. Будь что будет. – Прошептала я.

Сделала шаг к стихии. И от всей души пожелала, чтобы пламя исчезло. Чтобы больше не было этого треска и запаха гари.

– Исчезни! – выкрикнула я, вложив в слова всю злость и страх. В груди разлилось уже ставшее привычным тепло.

Целый миг ничего не происходило. А затем воздух задрожал, и словно из самого камня повалил холодный туман. Он клубился, стягивался в поток, оплетая языки пламени.

Огонь взревел, и словно бешеный зверь, с новой яростью принялся поглощать плющ, подбираясь к рамам второго этажа. Влажный туман окутал его. Пламя, шипя, нехотя гасло, хоть и не сдавалось окончательно.

Тепло в моей груди росло. Я чувствовала, как магия забирает силы. Дрожа, сделал шаг вперед:

– Ну, давай же! Тухни! – потребовала громче, удивляясь твердости своего голоса.

И снова туман, откликаясь на мой приказ, ударил по пламени, давя его, пока огонь не захрипел и не исчез полностью, оставив после себя лишь вонь и обугленные пятна на стене.

Я пошатнулась. Тело дрожало не то от слабости, не то от ночной прохлады. Сердце билось так, что в ушах стоял гул. Но главное – пламени больше не было.

Ноги сами понесли меня к источнику. Мне нужен всего поток, и силы снова вернутся.

Так и случилось. Стоило ледяной влаге прокатиться по горлу, как мне стало легче. Слабость отступила, сердцебиение успокоилось.

Габи терся о мои ноги и радостно мурлыкал, поздравляя с победой.

У крыльца меня встретила Марфа. Перепуганная, с растрепанными волосами и широко распахнутыми глазами.

– Что здесь стряслось? Откуда этот запах гари?

– Пожар, – устало выдохнула я, махнув рукой на угол поместья. Там, даже в темноте, угадывались пятна сажи и мрачные, обугленные плети плюща. – Думаю, это «подарочек» от барона.

– Вот же треклятый гад! – Марфа всплеснула руками. – Чую, не миновать нам завтра комиссии. Ты то, как, деточка?

– Нормально. Потушила пожар... магией.

Марфа взяла меня за руку. Я опустила взгляд и замерла. Вязь, что покрывала мою кожу, словно ожила. Буквы скользили, переплетались. Появились новые строки, теперь узор спустился до самых ладоней.

Я, как зачарованная, не могла отвести от них глаз, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

Но Марфа, к моему удивлению, никак не отреагировала на вязь. Словно она не видела того, что так явственно было для меня.

— Ох ты бедная девочка, вся в саже... — Пробормотала она, заботливо вытирая темное пятно с моего запястья. — Беги. Умойся да ложись. Завтра будем думать, что к чему.

Я кивнула и отправилась в свою комнату.

После пережитого волнения думала, что не усну, но стоило голове коснуться подушки, как сон поглотил меня.

Утром первым делом, стоило мне открыть глаза, я натянула ночную сорочку повыше, чтобы осмотреть себя.

Теперь бесконечная вязь покрывала все мое тело, кроме самых открытых мест: стоп, кистей рук, лица и шеи. Было еще одно изменение. Надписи больше не были черными, они стали золотыми, полупрозрачными. Строки мягко переливались в свете утреннего солнца, будто нити тончайшей вышивки.

Я провел ладонью по руке, по завиткам на бедрах и животе, и ощутила странное спокойствие. Впервые я знала: новых узоров больше не появится. Эта часть загадочного ритуала завершена.

Но вместе с тем ощущала: он не закончен. Вязь на теле была лишь одной из ступеней. Должно быть что-то еще. Некая финальная часть.

Знать бы только в чем она состоит...

Некоторое время я колебалась: стоило ли прибегать к ма-

гии? Но как ни крути, вязь закончена. Все, что могло случиться от использования магии – уже случилось.

Да, и вчерашний пожар ясно показал: без магии я не справлюсь.

Марфа, пожалуй, права: комиссия может заявиться в любой момент. Возможно, даже сегодня. И если стены встретят их копотью, а двор – сорняком, то мне придется попрощаться с поместьем, которое я уже полюбила.

Нет! Не дождется Лансель такого подарка. Я не сдамся без боя!

С этими мыслями я поспешно позавтракала и взялась за работу.

Первым делом во дворе осмотрела последствия ночного бедствия. Сажа въелась в пористый камень, плющ обуглился и повис жалкими клочьями. На первый взгляд казалось, что вернуть поместью прежний вид невозможно.

Но попробовать стоило. Я глубоко вздохнула и приказала:
– Щетки, вперед.

И они, к великой радости Габи, послушно ожили. С десятков щеток разных форм и размеров выскочили из дома и взобрались по стенам.

Они засуетились, забегали по камню, оставляя за собой светлые полосы. Самые маленькие, словно проворные зверьки, юркнули к оконным рамам, оттирая закопченные переплеты.

Пока щеточки упорно трудились, я тоже не сидела без дела. Взяла ножницы и принялась обрезать сгоревшие плети. Плющ, некогда уютно обвивавший стены, пришлось срезать почти полностью.

Через час о ночном пожаре напоминали лишь треснувшие окна.

После этого я взялась за двор и забор. Ведь первое, что увидит комиссия – это ржавые металлические ворота и заросшую бурьяном территорию.

Хоть я и прокосила тропинку к поместью, заросли с обеих сторон выглядели весьма удручающе. Не мешало бы избавиться и от них.

Вскоре мои щеточки принялись тщательно натирать ворота и забор, убирая с них ржавчину, а за ними по моей команде следовали кисточки, окрашивая металл в глубокий черный цвет.

Было приятно видеть, как к воротам возвращается былая строгость и помпезность.

А вот с бурьяном мне пришлось повозиться. Сперва я решила действовать проверенным методом. Оживила косу и велела ей пройтись по зарослям. Та послушно выполнила приказ. Вот только красоты не выходило.

После косы оставались торчащие неказистые обрубки, а то и вовсе голые проплешины земли.

Мда, это, конечно, было лучше, чем бурьян, но хотелось иного: мягкого, ровного ковра из травы. Опрятного и ухо-

женного, такого, чтобы по нему было можно ходить босиком, наслаждаясь утренним кофе.

Неожиданно вспыхнула мысль: если я могу приказывать косе, то почему бы не отдать приказ самим сорнякам? Ведь я справилась даже с огнем! Может, и с травой смогу совладать?

Я обвела взглядом заросли, строго прищурилась и велела: – А ну, марш на задний двор!

Сначала ничего не происходило. Я уже мысленно усмехнулась: ага, ну конечно, одно дело – инвентарь, и совсем другое – живые растения. Но в следующее мгновение случилось невероятное.

Бурьян зашевелился. Корни с противным чавканьем вылезли из земли. Теперь сорняки напоминали нелепых человечков: вытянутых, кривоватых, но главное, удивительно послушных.

Один за другим, шурша листьями, сорняки ровной колонной двинулись туда, куда я указала: на задний двор.

Я стояла, восторженно наблюдая, как несносный бурьян добровольно покидает двор. Передо мной открывалась земля: голая, чистая, правда, пока еще неровная, но все же свободная от сорняков.

– Вот эта да... – удовлетворенно выдохнула я.

Внезапно на пальце завибрировало кольцо. По коже пробежала легкая дрожь, будто кто-то невидимый коснулся моей руки.

Я вздрогнула и уставилась на голубоватый камень. Он вспыхивал, ярко мигая, требовательно зовя к себе.

Танред.

Пальцы сами собой коснулись камня.

– Алло! – по привычке вырвалось у меня.

– Алло? – раздалось мне ответное. С легкой насмешкой.

– Слушаю тебя! – быстро исправилась я, по привычке поднося источник связи – то есть кольцо, – к губам.

– А можешь еще и смотреть. – Это уже был явный сарказм.

Смотреть? Я медленно подняла глаза и замерла. Передо мной стоял Танред. Точнее, его полупрозрачный силуэт. Его фигура мерцала, будто была соткана из света, но черты лица были хорошо различимы до мельчайших деталей. Нахальный прищур, легкая ухмылка.

Ох! Ну почему у меня перехватило дыхание?

И тут сердце тревожно дрогнуло: если я вижу его, то и он, получается, видит меня? И руки тут же предательски потянулись к волосам, чтобы поправить прическу.

Хотя, казалось бы, какая мне разница, какой я предстану перед ним? И все же я торопливо пригладила волосы.

– Отлично выглядишь, Юлания. Хоть и несколько... необычно.

– Спасибо, – я уже смущенно разглаживала складки на подоле льняного платья.

Веду себя как девчонка!

Тяжелый взгляд Танреда устремился мне за спину. На-

хмурился.

– А это еще что?

Танред

Прошло уже несколько дней с того момента, как Юлания шагнула в портал и исчезла из его жизни. И все это время кольцо связи оставалось холодным и безмолвным.

Ни одного вызова, ни одного капризного требования. Это было... странно.

Юлания всегда любила привлекать к себе внимание. Ей нужны были то украшения, то наряды, то развлечения. И вдруг – тишина.

Потребовала развод и исчезла. Словно забыла о нем. Как-то бы, надо радоваться, но почему-то вместо облегчения внутри Танреда поселилось беспокойство.

Дракон в груди не давал покоя. Он рвался, метался, словно зверь в клетке, тянулся к ней. С чего вдруг? Он никогда не любил Юланию. Но теперь что-то изменилось.

Тепло, исходящее от внутреннего зова, пугало и злило одновременно.

Танреду было стыдно признаться даже самому себе, но он отправил человека, чтобы проследить за женой. Вскоре пришел отчет, и он оказался весьма неожиданным.

Никаких тайных встреч и интриг. Юлания... просто жила. Косила двор. Закупала продукты. Разговаривала с местными в таверне.

Серьезно? Юлания? Та самая, что всегда морщила нос от простолюдинов, теперь мило беседовала с деревенскими?

– Нет... – глухо пробормотал Танред, откинувшись на спинку кресла. – Она что-то задумала. Это не может быть просто так.

И все же сомнение точило изнутри. Если это план – то какой?

Спустя несколько дней Танред не выдержал. В груди дракон буквально взревел, требуя действий. И Танред поддался. Он сам вызвал жену через кольцо связи. И не только из-за подозрений. Ему действительно было что сказать по поводу развода.

И вот перед ним стояла Юлания. Такая знакомая и вместе с тем... другая.

Танред ощутил легкое замешательство. Может, дело в платье? Раньше его жена выбирала наряды вызывающе яркие, с глубокими вырезами и обилиями драгоценностей.

Сейчас же на Юлании было простое, серое платье. И странным образом эта простота делала ее еще более женственной. В этом наряде она выглядела такой юной и... беззащитной.

Дракон внутри раскатисто пророкотал. Он требовал немедленно проложить портал к Юлании и защитить ее... ото всех на свете. А лучше запереть в замке, как самое дорогое сокровище.

Танред заглушил зов дракона. И все же не мог перестать

любоваться женой, подмечая то, на что не обращал внимания раньше. Тонкую талию, мягкие изгибы плеч, золотой блеск волос.

Увлеченный всем этим, он не сразу заметил, что происходит за ее спиной.

Сначала Танред решил, что ему показалось. Но нет. По двору, чинно, один за другим, маршировали... сорняки. Огромные лопухи с толстыми корнями важно переставляли их, словно те были ногами.

Один из них даже обернулся. Да, обернулся! И, как ни в чем не бывало, весело помахал Танреду широким листом.

– А это еще что?

Юлания виновато улыбнулась.

– Навожу порядок во дворе. То есть мне помогает... один деревенский маг. – Поспешно добавила она.

– Маг? – Танред прищурился. – Никогда не слышал, чтобы маги тратили силы на... уборку сорняков. Да еще и таким странным образом.

– Ну знаешь! – Юлания возмущенно скрестила руки на груди. – Как умеет – так и делает.

Дракон молча посмотрел на нее, с трудом отведя взгляд от забавно вышагивающих растений. В голове промелькнула мысль: странно, что такие сильные маги, способные управлять сорняками, живут в этой богами забытой деревне. Что-то здесь не сходится.

Но Танред тут же упустил мысль, сейчас у него была дру-

гая цель.

– Я поговорил с императором по поводу нашего развода.

– Отлично! – Казалось, Юлания была рада. Отчего у Танреда внутри неприятно кольнуло. – Когда и что мне нужно подписать?

– Не торопись! Он поставил одно условие.

– Какое?

Танред долго подбирал слова, но не смог найти нужных.

В итоге сказал прямо:

– Император велел консумировать наш брак.

Юлания вздрогнула, как от пощечины.

Дракон, тяжело переведя дыхание, продолжил:

– Это его условие. После мы сразу сможем развестись.

Это было правдой. В памяти Танреда всплыло, как император дружески хлопнул его по плечу:

– Да, брось, ты не можешь отступить сейчас. Ты зашел уже слишком далеко. Делов-то осталось за малым. Один разок и все.

Танреду стало мерзко от этих слов. Их было гадко слышать даже от друга, понимая, что он действует в его интересах.

– Брак с девчонкой должен помочь. А ты сам понимаешь, брак без консумации – не брак. Уверен, это сработает, мой предсказатель никогда не ошибается. – Продолжил император.

– Все бывает впервые.

– Не будь таким пессимистом! Я же не прошу тебя заводить с ней детей. Просто консумируй брак. Не поможет – разведу в тот же день. Обещаю.

Танред тяжело вздохнул, он даже не пытался скрыть отношение к происходящему.

– Да, брось! Давно ли ты стал таким ханжой? Помнишь, как мы с тобой в молодости...

– То было в молодости. – Жестко обрезал дракон.

Император расхохотался.

– А ты поменялся, друг! Неужели это Лавиния так на тебя повлияла?

Танред и сам не знал, что на него так повлияло. Но ему вдруг стало важно не задеть чувства Юлании. Хотя стоило признаться себе, что мысль о ночи с ней вдруг перестала казаться отталкивающей.

Наоборот, дракон внутри ревел от нетерпения.

Юлания, услышав условие, несколько мгновений молчала. В ее глазах промелькнул целый вихрь эмоций: от смущения до ненависти. Танред сжал зубы.

Неужели он ей настолько противен? Все дело в его хромоте?

– Что будет потом? После... консумации? – наконец, тихо спросила она.

– Мы подпишем документы о разводе в тот же день... Если ты захочешь.

– Когда? Когда... это случится? – Юлания обхватила себя

за плечи.

– Через три дня, – ответил Танред после короткой паузы.
– У меня дела в ближайшее время. Давай сделаем это через три дня.

Он солгал. Никаких дел у него не было. Точнее были, но не настолько важные, чтобы не заглянуть к жене на вечерок. Но он хотел дать Юлании несколько дней, чтобы свыкнуться с этой мыслью.

– Хорошо, – ее губы едва заметно дрогнули. – Надеюсь, после этого я никогда больше тебя не увижу.

Прежде чем он успел ответить, Юлания резко коснулась кольца, и ее образ растаял, будто его сдул ветер.

Танред остался стоять, глядя в пустоту, где мгновение назад еще была его жена.

Юлания

Когда Танред произнес «консумация» внутри все вздрогнуло. Эмоции, одна неприятнее другой, накатывали волнами. Зачем он так поступает со мной? У него же есть любовница, а мы разводимся!

Решил оставить на мне свой след напоследок? Отметить территорию, как зверь?

Смутная симпатия к Танреду, которая жила во мне, испарилась. На ее месте вспыхнули: обида, стыд и ярость. Ненавижу! Ненавижу его за то, что он предлагает мне через это

пройти.

Внутри все горело. Мне понадобилось время, чтобы немного прийти в себя после нашего разговора.

В груди полыхал огонь обиды. А, может, это была магия? Я вдруг поняла: я не хочу больше сдерживать ее. Пусть энергия вырвется наружу.

Я взяла весь этот вихрь эмоций и направила его в дело. Все вокруг оживо. Остатки сорняков «ушли» на задний двор в компостную яму. Землю, оголившуюся после их ухода, теперь вскапывали пяток старых, ржавых лопат. Они ловко рыхлили тяжелые комья, словно ими орудовали руки опытного огородника.

Следом за лопатами шли грабли. Они скребли землю, ровняли, делая почву гладкой, ровной, готовой к новой посадке.

Я чувствовала, как с каждым новым очищенным метром, разглаживаются и мои эмоции.

Следом я взялась за камни. Когда-то из них складывалась дорожка к крыльцу. Но от времени камни расползлись в стороны и утонули в земле.

Теперь один за другим они возвращались на положенное место, выстраиваясь в широкую каменную тропу, что вела от ворот к крыльцу поместья.

Забор, еще вчера облупленный и унылый, теперь блестел свежей краской. Металлические прутья весело поблескивали на солнце.

Я стояла посреди двора, глядя, как магия ведет упорную

работу, и думала, что и злость может быть полезной.

Стоило мне закончить, как с работы вернулась Марфа:

– Пресвятая богиня плодородия! – Воскликнула старушка. – Какой же красивый у нас двор!

– Да, осталось только газон посадить, – довольно ответила я.

– Я даже знаю, где взять семена! – Марфа, подобрав юбки, кинулась обратно в деревню. – Я быстро!

– Марфа! Подожди! – я попыталась остановить шуструю старушку. Бесполезно.

Вернулась она действительно очень быстро, держа в руках холщевый мешочек. Ее глаза светились радостью.

– Вот они, – Марфа развязала тесемку, показывая семена.

Мы вместе прошли по двору, раскидывая их по почве. Отряхнув ладони, я задумчиво посмотрела на землю.

– Ну, что остается ждать? – спросила Марфа. – Полить бы неплохо было. Да хорошо, если птицы не склюют.

– Да... – Протянула я и на секунду закусил губу. – А что, если попробовать прорастить их магией?

Марфа удивленно округлила глаза, но ничего не сказала, только сложила на груди руки и с интересом замерла.

Я прикрыла веки, сосредоточилась и постаралась почувствовать каждое семечко. Потянулась к ним, будто к крошечным искоркам жизни, и вложила в каждую частичку своей силы,

И – о чудо! Земля чуть дрогнула, и вскоре одно за другим

семена ожили, проклюнулись нежными зелеными ростками. Сначала робкими, едва заметными, но они быстро поднимались, крепили, разрастались.

На глазах двор покрылся изумрудной, бархатистой травкой. Аккуратной, мягкой. Такой, что по ней захотелось сразу пройтись босиком.

– Матушки святые... – Прошептала Марфа, прикладывая ладони к щекам. – Да это ж красота неопиcуемая!

Я смотрела на двор и невольно улыбалась.

Передо мной раскинулся зеленый ковер. Лишь несколько старых дубов гордо возвышались по краям, протягивая свои ветви к крыльцу, будто желая укрыть дом от палящего солнца.

Все выглядело настолько ухоженно и гармонично, что я на секунду засомневалась. Неужели это все сделала я? Да как быстро!

Конечно, я помнила, что основная работа предстоит еще на заднем дворе. Там придется повозиться со старым садом, беседкой, розарием и загадочным родником. Но на сегодня я решила остановиться с применением магии. Горький опыт истощения был еще слишком свеж в памяти.

– Все, хватит чудес на сегодня, – пробормотала я, будто убеждая саму себя.

После обеда, который мы с Марфой шустро приготовили в четыре руки, я взяла корзины и направилась в сад. Меня ждали ряды тутовника и белоснежные коконы, сверкающие

в листе. Нужно продолжить их сбор.

Остановилась я, лишь когда Марфа в третий раз позвала меня к ужину. Я нехотя оторвалась от дела, сняла корзину с плеча и пошла в дом.

На столе уже ждало горячее рагу: густое, ароматное, с мягкими кусочками говядины и овощами, которые таяли во рту. Мы поели в тишине, только ложки постукивали о края глиняных мисок.

А вот чай решили пить не в душной кухне, а на крыльце. Марфа вынесла старый пузатый заварник, а я – две кружки. Мы устроились прямо на ступеньках, наслаждаясь вечерней прохладой и стрекотом цикад.

Солнце клонилось к закату, мягкие лучи скользили по газону, касались дубов и поблескивали на крышах деревушки на холме.

Я уже было подумала, о том, как мирно и спокойно завершается день, как вдруг жалостливо скрипнула воротина.

Мы с Марфой переглянулись. Кого это к нам принесло в такой час?

В следующую секунду на дорожке показался барон, а рядом с ним гордо вышагивали два мужичка – один толстый, другой долговязый и лысоватый. Оба с папками под мышкой.

– Комиссия, – прошептала Марфа, и в ее голосе звучала тревога.

Я резко поднялась со ступенек, подавляя внутренний поток паники. Значит, барон сдержал угрозу. Явился.

Глазки Ланселя забежали по двору. В них мелькнуло недоумение, неверие, а следом и ярость. Он явно рассчитывал увидеть здесь бурьян, который недавно вызвал у него волну безразличия. А вместо этого перед ним простирался ровный, ухоженный газон, пересеченный аккуратной каменной дорожкой.

Мужчины из комиссии одобрительно закивали и, переглянувшись, достали из папок бумаги и что-то записали.

– Вы просто не все видели, – зло процедил барон.

Я же выпрямилась, расправила плечи и, пряча бурю эмоций под дружелюбной улыбкой, шагнула вперед.

– Доброго вечера, господа, – как можно милее поприветствовала я. – Меня зовут Юлания, я хозяйка этого поместья. Могу уточнить цель вашего визита?

Мужчины из комиссии вновь переглянулись, словно не ожидая такой вежливости, и, слегка смутившись, засуетились: папки с бумагами захлопнулись, ладони неловко потерлись о сюртуки.

Наконец, один из них сделал шаг вперед и представился:

– Комиссия по благоустройству и санитарному надзору земельных владений.

Его напарник, долговязый с носом-крючком, поспешил добавить:

– Простите, госпожа, но от вашего соседа поступила жалоба. В обращении сказано, что вы не справляетесь с содержанием территории и подвергаете соседей опасности: разводите тараканов и крыс.

Я невольно улыбнулась и, скользнув по Ланселю взглядом, заметила, как тот сжал губы в тонкую линию.

– Смею вам заверить, это не так, – произнесла я с легкой иронией в голосе. – Я не так давно вернулась в поместье и, признаюсь, быт еще не полностью налажен. Но чистота и порядок – это приоритет. В первую очередь для меня самой. Поэтому, уверяю вас, ни о каких крысах и речи быть не может.

– И все же мы должны проверить, – неуверенно проворил долговязый, еще раз окидывая взглядом мой идеальный дворик.

– Разумеется, – я мягко отошла в сторону, указывая на дорожку, что вела прямо к крыльцу. – Прошу, убедитесь сами.

Представители комиссии чинно последовали к входу, о чем-то тихо переговариваясь между собой. Барон же неожиданно отстал, оторвался от всеобщей процессии и бочком, словно воришка, сменил маршрут.

Он подошел к углу дома, где ночью бушевал пожар. Остановился и ошарашенно уставился на стены. На его лице явно проступило удивление, а затем, будто желая окон-

чательно убедиться в том, что видит, он провел пальцем по камню. Прищурился, посмотрел на руку, ожидая увидеть следы копоты.

Его выражение, когда палец остался чистым, дорого стоило.

Я злорадно улыбнулась, наблюдая со стороны. Так-так-так, барон. Значит, я не ошиблась. Это было твоих рук дело.

Лансель скривился, словно проглотил что-то кислое, и последним скользнул в распахнутые двери поместья.

Комиссия тем временем одобрительно обсуждала мой дом:

– Чудесное поместье, добротное... Такое еще не одну сотню лет простоит.

Я согласно кивнула, чувствуя, как внутри поднимается теплая гордость.

– Мебели у меня немного, – сразу призналась я, распахивая двери главного зала. – Пока обжито всего несколько комнат. Остальное в пути, я уже кое-что заказала. Но чистота в каждом уголке.

– Главное, чтобы санитарное состояние соответствовало нормам, – отчеканил долговязый, явно цитируя строчку из своей должностной инструкции. – То есть: чистота поддерживалась на должном уровне, следов запущенности не обнаружилось, и, в особенности, отсутствовали грызуны и прочие вредители.

– Прошу, удостоверьтесь сами. Никаких грызунов.

Мужчины прошли по коридору, открывая двери, заглядывали в комнаты.

Больше всех старался сам барон. Его глазки метались по углам. То ли он усердно пытался найти грязь, то ли мысленно приценивался к моему дому, представляя, как станет его владельцем.

Он даже достал из кармана белоснежный платок и с усердием водил по стеклам, паркету и резным перилам лестницы.

В какой-то момент он даже, изловчившись, протиснул пальцы в щель между дверью и косяком. Вытянул платок и торжественно посмотрел на него.

Платок остался безупречно белым. Да, мои тряпочки поработали на славу.

Краем глаза я наблюдала за его тщетными потугами и едва заметно усмехалась.

Впрочем, осмотр поместья продолжался недолго. Члены комиссии прошли по всем трем этажам. Они выборочно заглядывали в комнаты, делая пометки. В конце концов, долговязый важно произнес:

– Что ж, видно, что чистота поддерживается на должном уровне. Полы натерты, порядок образцовый. Придаться решительно не к чему.

– А задний двор! – возмутился барон, тыкая в окно. – Видите, как там все заросло?

– Да, я не успела там еще скосить, – спокойно призналась я.

– Ну, успеете, – кивнул долговязый. – Главное, что в доме порядок и крыс, о которых сообщалось, – на этой фразе он сделал особенный акцент, смеряя барона недовольным взглядом, – не обнаружено.

– А выбитые окна? Проваленная крыша? – не унимался Лансель.

– Уверены, госпожа в курсе проблем своего поместья. Но они не имеют отношения к санитарным нормам. – Устало проговорил коренастый, протягивая мне бумаги для подписи. – Вот, распишитесь.

Я взглянула на лист, где значилось: «Претензий к содержанию не обнаружено». Осторожно, с трудом вспомнив фамилию мужа, вывела: Юлания Эргилар.

– Отлично, – удовлетворенно выдохнули члены комиссии. Было видно, что они сами уже устали и хотели побыстрее завершить визит.

Только барон не унимался:

– А сарай? Давайте заглянем еще и туда?

– Угомонитесь, Лансель, – проворчал долговязый. – Видно же, что здесь все в полном порядке.

Он поклонился мне чуть любезнее, чем требовалось по этикету:

– Всего доброго, Юлания.

С этими словами комиссия удалилась.

– Как ты это сделала? – прищурился барон, когда мы остались стоять вдвоем на крыльце. – Я же видел, каким был этот

дом...

– У женщин свои секреты, – загадочно улыбнулась я.

Но улыбка мгновенно сошла с моего лица. С заднего двора вяло выползли грабли, продолжая расчищать все на своем пути. Неужели я забыла «отключить» одного из своих помощников?

От внимательного взгляда барона грабли тоже не укрылись. Как и то, как я легким движением руки остановила инструмент, который тут же послушно привалился к стене.

– Ты... магичка! – воскликнул барон.

И тут снова случилась магия. Правда, на этот раз не моя. Лицо Ланселя в миг преобразилось: злость и презрение – испарились. На смену им пришло дружелюбие и почти восторг.

– Юлания, что же ты раньше не сказала, что ты владеешь магией?

– К чему я должна перед тобой отчитываться? – сухо ответила я, стараясь скрыть волнение.

– Только в детстве у тебя не было дара...

Я неопределенно пожала плечами. Пусть думает, что хоч.

– Мы с тобой так похожи, Юлания, – хрипло сказал Лансель, делая шаг ближе.

Я непроизвольно попятилась, с подозрением всматриваясь в него.

– Я ведь тоже не так давно обрел магию.

– Seriously?

– Да. После смерти отца. – Я замерла. Это было неожиданно. – Думаю, ты знаешь, что магия, пробуждающаяся у взрослых – это редкость. Обычно такое случается лишь на фоне сильного потрясения или трагедии. – Лансель вздохнул. – Правда, моя сила не слишком велика. Искра оказалась маленькой. Но мне удалось ее... разжечь. Я консультировался с лучшими преподавателями из академии. Конечно, учиться уже поздно, но несколько толковых советов они мне дали.

– И каких же? – не удержалась я, интерес прорезался сквозь недоверие.

Лансель обаятельно улыбнулся, чуть склоняя голову набок:

– Я тебе расскажу... если ты согласишься пообедать со мной.

– Еще чего!

Отказ сорвался быстрее, чем я успела подумать.

– Да, брось, Юлания, – не сдавался барон. – Мы с тобой не с того начали. Я думал, ты одинокая женщина в тяжелой жизненной ситуации, и лишь хотел помочь. Освободить тебя от бремени. – Я сузила глаза, сдерживая скептический смешок. Впрочем, Ланселя это не смутило. Он горячо продолжил: – А теперь я понял, что все иначе. Ты сильная, независимая и невероятно красивая женщина, да еще и магичка...

О, в ход пошла откровенная лесть...

– Давай завтра встретимся в таверне. Я знаю одну, где го-

товят чудесную рыбу на гриле. Пообедаем, поболтаем по-соседски.

Я задумалась. Лансель вызывал во мне недоверие, раздражение и даже злость. Но в чем-то он был прав. Стоило наладить приятельские отношения. Враги по соседству мне ни к чему.

К тому же он действительно мог поделиться со мной информацией о магии. Может, он что-то упомянет и о загадочных надписях на теле? Не так-то много у меня знакомых, кому можно позадавать подобные вопросы.

Да и потом, Лансель определенно знал о состоятельных семьях в округе. Если у меня все получится с шелком, то я должна знать, кому предлагать такой уникальный и недешевый товар.

– Ладно, – наконец сказала я, чувствуя, как в душе еще звучат ноты сомнения. – Говори, где и во сколько.

Таверна, куда меня пригласил барон, оказалась удивительно уютной. Спрятанная в глубине деревушки, она больше напоминала дворик: несколько грубо сколоченных столиков, над которыми трепетали бумажные фонарики, и открытая кухня, где прямо при нас суетился молодой поваренок.

Он ловко разделал свежую рыбу, обложил ее овощами и уже через несколько минут подал нам ароматное блюдо, дополненное миской хрустящего салата.

– Расскажи о себе, – небрежно бросил Лансель, устроив-

шись напротив и хищно ухватившись за вилку.

Я отмахнулась, стараясь не дать голосу прозвучать слишком резко:

– Да что там рассказывать? Судя по всему, ты и так неплохо осведомлен. Раннее сиротство, неудачное замужество, возвращение в родовое гнездо. – Я натянуто улыбнулась и поспешила сменить тему. – Лучше ты поведай о себе. Ты упоминал что-то о производстве оливкового масла и мыла.

– С маслом еще мой отец занимался, – с видимой гордостью заявил барон, отрезая щедрый кусок рыбы, и, не стесняясь, с аппетитом отправил ее в рот. – А вот мыло – это мое детище. Ты бы знала, какие деньги люди готовы выложить за ароматный кусок мыла, после которого кожа становится мягкой словно бархат, а на теле держится тонкий благоухающий шлейф. – Лансель снисходительно фыркнул. – Это совсем не то, что бурая дрянь, которой привыкли мыться простолюдины.

Я проглотила замечание о простолюдинах, как и просящееся на язык замечание о том, что сама моюсь «бурой дрянью». Вместо этого вежливо уточнила:

– И где же ты находишь покупателей, готовых платить за подобную роскошь?

Лансель откинулся на спинку плетеного кресла, закинув ногу на ногу. Вся его поза кричала о самоуверенности.

– А что их искать? – он лениво провел пальцем по краю бокала. – Они сами меня находят. Я лишь представляю товар

на ярмарках.

– На ярмарках? – переспросила я с живым интересом.

– Ну да, – барон слегка удивился моей неосведомленности. – А где же еще? Вот скоро собираюсь в Муринар, – он кивнул в сторону севера. – Там будет крупная ярмарка. На нее съезжается простой люд – кто за картошкой да овощами, а кто за тканями да утварью. Но туда же любит наведаться и местная знать: прицениться к новинкам, найти что-то этакое, уникальное. И тут уж надо уметь привлечь внимание. Но мое мыло, как и масло, всегда находят спрос.

– Значит, ярмарка... – протянула я, задумчиво кивая. – И когда, говоришь, она состоится?

В глазах Ланселя вспыхнул знакомый алчный блеск.

– А что у тебя есть какие-то идеи? – он подался вперед, будто пытаюсь заглянуть мне в душу.

– Да нет, – я сделала вид, что всецело увлеклась поеданием салата. – Просто интересно.

– Ты только скажи, если что придумала. – Настоячиво продолжил барон, не сводя с меня глаз. – Если что, помогу. В делах я толк знаю.

Я мысленно хмыкнула. Ну да, знает... И уверена будет не прочь воспользоваться моей идеей. Естественно, раскрывать карт, я не собиралась.

– Ничего такого, – я небрежно пожала плечами. – Думаю, может, себе кое-что прикуплю.

– Ну-ну... – протянул Лансель скептически шурясь, но все

же ответил: – Ярмарка через месяц.

– Ты обещал рассказать о своей магии, – поменяла я тему. По этому вопросу, я уже и так выяснила все, что хотела.

– О, магия! – глаза Ланселя вспыхнули, и он оживился, начиная свой рассказ.

Тут его было не остановить: кажется, барон обожал говорить о себе. Что ж, мне это было только на руку: чем больше он говорит, тем меньше спрашивает.

Лансель начал свой рассказ с момента смерти отца. Я с удивлением отметила, что, похоже, барон действительно любил своего родителя. Потеря единственного близкого человека сильно его потрясла. Настолько, что в нем проснулась магия. Впрочем, особо чуда тут не было: его дед и бабушка по материнской линии были магами, так что искра в его роду жила всегда.

– Правда, мой дар не так огромен, – признался Лансель, – но вот что я могу.

Он смял в кулаке бумажную салфетку. Затем, нахмурившись и сосредоточившись, начал ее расправлять, тяжело при этом пыхтя и обливаясь потом.

– Видала? – самодовольно улыбнулся он, когда салфетка спустя пять минут приобрела первоначальный вид.

– Впечатляет, – польстила я барону с самым искренним видом.

Хоть про себя и хмыкнула. Я-то могу тушить пожары и приказывать сорнякам маршировать строем на задний двор.

Что мне стоит расправить какую-то салфетку?

Значит, моя магия больше.

– После появления силы у тебя появились на теле какие-нибудь отметки? Символы? – Осторожно спросила я, делая вид, что вопрос задан из праздного любопытства.

Барон удивленно вскинул брови.

– Нет, ничего такого. Лишь странное ощущение тепла в груди. По нему я и понял, что во мне проснулась магия. Будто что-то жгло изнутри, требуя выхода.

Я кивнула.

– Да, у меня было похожее. Значит, никаких отметок?

Лансель прищурился.

– Каких еще отметок? У тебя что, что-то появилось?

– Нет, – я легкомысленно откинулась на спинку кресла и взяла стакан с морсом. – Просто уточнила.

Я сделала глоток, уносясь мыслями куда-то далеко. Значит, никаких отметин у него нет. То есть я не ошиблась: странные надписи на теле – аномалия. Но чего же они значат?

В целом, обед с бароном прошел не так плохо, как я переживала. Он оказался разговорчивым собеседником, любящим рассказывать – особенно о себе.

Долго и подробно Лансель делился впечатлениями о своих уроках магии. Правда, ничего по-настоящему ценного я из его рассказов не вынесла.

О таинственных источниках, что пробуждали и увеличи-

вали силу, барон не заикнулся. Для «разжигания искры» его наставники учили иному: «правильной тактике дыхания», утренним упражнениям, которые в моем мире называли бы медитациями. Барон же их называл «усилием заглянуть в себя и соединиться с магией, сидя в удобной позе и глядя на рассвет».

Я слушала вежливо, иногда кивая, но чем дольше он говорил, тем яснее становилось: никакой практической пользы в этих советах для меня нет.

Моя магия была иной – живой, полной силы, будто питаемая чем-то большим, чем просто дыхание и созерцание.

Попрощались мы, однако, достаточно тепло. Барон, приободренный моим внешним дружелюбием, пообещал заглядывать ко мне почаще, – вот уже чего я точно не хотела! – и, разумеется, приглашал в гости «по-соседски».

Остаток дня прошел в спокойных хлопотах. Я заглянула к своим коконам: те лежали ровными рядами, плотные, матовые, будто в полудреме. Никаких признаков, что в них вот-вот появится жизнь.

На душе стало чуть спокойнее: значит, есть еще время подготовиться.

Потом настала очередь Габи. Мой маленький зверек не собирался мириться, что его хозяйка слишком занята. Он тянул лапками подол, требуя внимания.

Я сдалась и устроила ему игру: магией гоняла перышко по коридорам, и котокрыл, радостно помявывая и перево-

рачиваясь в воздухе, ловил его, не уставая радоваться каждой удачной попытке.

Его звонкий смех-писк стали лучшей наградой за короткую передышку.

После этого я отправилась на кухню, где хлопотала Марфа. Старушка ворчала, что руки у нее уже не те, но при этом двигалась так ловко и уверенно, что казалось, будто сама кухня ей подчиняется.

Я помогла ей: с помощью магии очистила несколько закопченных кастрюль, которые годами стояли на верхних полках без дела. Под моими прикосновениями ржавчина и нагар растворялись, и метал снова блестел, словно новый.

Затем мы вдвоем сели перебирать старые крупы. Сначала мне показалось, что это скучная работа – крошечные зернышки да мешки с пылью и затхлостью. Но Марфа наотрез отказалась их выкинуть да купить новые.

– Вот еще не дело удумала, – всплеснула она руками на мое предложение. – Сейчас переберем и будут не хуже новых.

Стоило мне подключить магию, и процесс пошел быстрее и веселее: шелуха сама отлетала, легкие соринки взлетали в воздух и исчезали, а чистые зерна оседали в глиняные миски.

Работа спорилась, а я вдруг поймала себя на мысли, что получаю удовольствие от этих простых домашних дел.

О скором визите «мужа» старалась не думать. Буду решать проблемы по мере их поступления. Вдруг он вообще

передумает сюда являться.

Эх, знала бы я...

Вечер обещал быть не менее идеальным, но был испорчен внезапным появлением барона. Я вышла на крыльцо, удивленно осматривая Лансея:

– Что-то случилось? – настороженно спросила я нахмурившись.

Что снова привело его ко мне спустя всего несколько часов?

Барон топтался у порога, явно чувствуя себя не в своей тарелке. У него в руках был пирог, от которого доносился приятный аромат вишни.

– Вот... – неуклюже протянул он, словно вдруг потеряв всю свою самоуверенность. – Решил поблагодарить тебя за чудесный обед.

Я вздохнула, но все же приняла пирог, чувствуя еще теплое доньшко сквозь ткань полотенца.

– Не стоило, – сказала я, выдавив скупую улыбку. – Я рада, что мы все обсудили и наладили хорошие соседские отношения.

– И я рад!

Взгляд барона забежал, и вместо того, чтобы любезно откланяться, он сунул руку в карман своего сюртука.

Танред

Танред, откинувшись в кресло, сжал рукоять трости. Он

только что отправил Лавинию восвояси, сказав, что сегодня не в настроение для ее визита. Девушка, зло сверкнув глазами, запахнула халат и выбежала из кабинета.

Кажется, она обиделась. Но дракону было все равно. Все его мысли были о жене.

Конечно, Танред помнил, что дал ей три дня, чтобы смириться с мыслью, привыкнуть к неизбежному.

Но теперь эта идея казалась ему глупой. Зачем давать Юлании время, если за эти дни она может еще больше накрутить себя, озлобиться... или хуже того, решит бежать?

Нет, три дня ничего не решат. Точнее, решат... если Юлания не будет сидеть в одиночестве, а он окажется рядом. И, возможно, сможет показать ей себя не как хромого, которому понадобилась помощь, а как мужчину.

Всего несколько дней. Консумация. И он исчезнет из ее жизни.

Но если провести эти дни вместе, есть шанс. Шанс узнать друг друга поближе. Шанс смягчить ее отношение к ночи, которую она заранее ненавидит.

Дракон внутри довольно зарычал, согревая грудь. Решено. Он не станет ждать. Сейчас же откроет портал и отправится к Юлании.

Юлания

Барон долго копался в кармане и, наконец, извлек на свет божий кольцо. Крупный прозрачный камень призывно блеснул в лучах заходящего солнца.

– Юлания, – торжественно произнес Лансель, отчего внутри у меня что-то содрогнулось, – мы сегодня провели чудесный день. Отлично пообщались... Давно я ни с кем так хорошо не говорил. В общем, я понял... С самого начала я поступил неправильно, но теперь все осознал. Юлания, выходи за меня!

Опешив от столь неожиданного предложения, я замерла, не зная, что и сказать. И тут с боку донесся насмешливый, холодный голос:

– Жenuшка, а я смотрю, ты совсем не меняешься...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.